

100

ВЕЛИКИХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Александр Владимирович Волков
100 великих
крылатых выражений
Серия «100 великих (Вече)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63614747

*А. В. Волков. Сто великих крылатых выражений: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8516-9*

Аннотация

Исторические эпохи незаметно сменяют друг друга, и из памяти людей так же незаметно изглаживаются подробности времени. Прошлое забывается скоро, но отдельные фразы, произнесенные участниками исторических событий, остаются на века. Стоит им прозвучать – и перед нами восстают события далекого прошлого.

«Жребий брошен!» – И вот уже Цезарь начинает новую гражданскую войну, идет походом на Рим. «Сим победиши!» – И Константин Великий выходит на решающую битву, осененный небесным Крестом. «Вся Русская земля – наша отчина». – И государь всея Руси Иван III собирает земли будущей великой России.

Новая книга серии предлагает читателю по знаменитым крылатым выражениям, словно по мосткам истории, перекинутым во времени, отправиться в прошлое...

Содержание

Радуйтесь, мы победили!	6
Горе побежденным!	14
Не заслоняй мне солнца!	24
Во вселенной бессчетное множество миров, а мы еще и одного не завоевали!	34
Ганнибал у ворот!	57
Карфаген должен быть разрушен!	74
Жребий брошен!	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

А. В. Волков

Сто великих

крылатых выражений

Знак информационной продукции 12+

© Волков А. В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

«Сто великих» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство “Вече”». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Радуйтесь, мы победили!

490 г. до н. э.

Кто из читателей не помнит историю марафонского бега? Забудутся подробности древних сражений, но вряд ли из памяти изгладится рассказ о том, как после победной для греков битвы один из воинов побежал в родной город и, промчавшись десятки километров, рухнул замертво, успев прокричать согражданам: **«Радуйтесь, мы победили!»**

Но был ли этот подвиг? Что говорят историки?

...Под ударами сердца раскачиваются виски. Соль разъедает глаза; боль живет в их уголках – ее не прогнать, потрясая головой.

«Замедлять постоянно свой бег – это было так сладко, что глаза у меня закрывались». Он думает об этом, грезит этим, но никогда, ни одним шагом, не замедлит бег. Даже пот он стряхивает, не делая остановки. Как стрела, выпущенная командиром, он летит в сторону города, чтобы упасть там, чтобы разорваться в счастливых восклицаниях, которые не связать даже в слова. Гордый гул победы бурлит в его груди, чтобы там, у цели, вылиться в победные крики. Он бежит в Афины – туда, где еще никто не знает, как повернулась мировая судьба.

Он бежит свою «марафонскую» дистанцию, чтобы пере-

дать благую весть победы. Только что греческий отряд разбил персидское войско у деревни Марафон. Стратег Мильтиад, едва сражение стихло, выбрал его, скорохода, спеша обрадовать горожан, ожидающих своей участи.

Сама дорога становится врагом, встает на дыбы, и бегун, качаясь, как раненый зверь, трусит по ней вверх, в горы. Солнце растаяло, как воск, и каплет на голову, на спину. Еле шевелится тело, раздавленное ношей горячих лучей. Только ноги, будто былинки на ветру, сгибаются, разгибаются, и, подбрасываемое их силой, тело скачет вперед. Метр за метром человек приближается к Афинам, минуя Пентеликон – отрог горы Парнет. Пока он несет память о победе, он жив; когда поделится ею с согражданами, умрет.

«Я бежал, напрягаясь, как грузчик, и земля подо мной прогибалась». Земля клонилась все ниже. Горы отпускали его, отсчитывали его шаги, осыпаясь камнями. Возле святилища Диониса в него перелилась вода сквозь нечаянно разжавшиеся губы – он наклонился к фонтану. Он вознес богам благодарность, чтобы временем позже – он уже не различал части времени – отправиться к богам самому. Неподвижный, он поспешит в самый далекий путь; останется один, совсем один, окруженный толпой афинян. Это будет в городе, где все закончится.

...Таково предание. Поныне оно осеняет Марафонскую долину у северо-восточного берега Аттики, а также деревушку, приютившуюся на ее краю. Сонная, скромная деревня;

беленые дома; пара кофейен и сувенирная лавка. Так выглядит Марафон сегодня. Там, где стояли персы и саки, бродят туристы. Где варвары отплывали в море на уцелевших кораблях, плещутся, никуда не стремясь, дети. Лишь комары вечерами наводят ужас на них, как прежде мидяне – на эллинов.

Сразу за Пентеликоном – от святилища Диониса сейчас остались только руины – раскинулось море домов. Афины давно приблизились к Марафону, поглотив пригороды. Вид огромной столицы теперь смутил бы любое варварское войско. И даже три асфальтовых шоссе не заманили бы врага.

Гонец сообщает народу Афин о победе в битве при Марафоне.

Художник Л. О. Меерсон. 1869 г.

В 490 г. до н. э., в год Марафонской битвы, не было этих удобных дорог. Марафон с Афинами связывала тропинка, пересекавшая Пентеликон. По-видимому, по ней и бежал в свой последний раз греческий скороход. А может быть, он огибал гору, не желая напрасно растрачивать силы? Кто знает? От древней тропы не осталось следа.

Историки пытались восстановить маршрут бегуна, но без-

успешно. А был ли вообще этот бегун? Что говорят древние авторы?

Если верить легенде, он ринулся в путь после битвы, в которой афиняне – их было почти в шесть раз меньше, чем персов, – наголову разбили противника. По словам Геродота, *«в этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека»* («История», VI, 117).

Гонец побежал в Афины, якобы даже не сняв доспехи; он мчался по камням, не обращая на них внимания, и, достигнув города, прокричал победную весть. Потом рухнул наземь. Он умер.

Красивый рассказ, слишком красивый, чтобы быть похожим на правду. Первым описал войну греков и персов «отец истории» Геродот. Он поведал о том, как афиняне готовились к битве, как было построено их войско, как они устремились на врага, без конницы и стрелков из лука, как истребляли дрогнувших персов и как варварские корабли отплыли обратно в Азию. Однако в его книге нет ни слова о «марафонском забеге».

Зато Геродот рассказал другую историю, героем которой был скороход («История», VI, 105–106). Оказывается, готовясь к сражению, афиняне отправили в Спарту скорохода Фидиппида, надеясь, что тот приведет подкрепление. Покинув Афины, он на другой день был в Спарте и беседовал с ее правителями. Не прошло и двух суток, как он преодолел расстояние в 230 километров, разделявшее две столи-

цы. Правда, его старания были напрасны. Лакедемоняне отказались выступать в поход до ближайшего полнолуния, поскольку это было против их обычаев.

Подвига не было. Бегун явно поспешил не туда.

...Прошло пять с половиной веков – достаточно времени, для того чтобы во всех подробностях вспомнить день Марафонской битвы, описать все бывшее и не бывшее тогда. И вот в стороне от войск появилась фигура. Так, долго вглядываясь в даль, примечаешь какие-то очертания – или это лишь грезится? Вот и Плутарх заметил в дали веков странную фигуру; она появилась, словно фантом, творя *«чистую музыку точных движений»* (А. Монтерлан).

На страницах одного из своих сочинений Плутарх описал подвиг бегуна Евкла: *«Многие говорят, что Евкл, будучи с оружием, еще разгоряченный боем, побежал и, рухнув у ворот дома архонта (высшее должностное лицо в Афинах. – А. В.), еще прокричал: “Радуйтесь, как радуемся мы!” и умер на месте»* («В чем больше прославились афиняне – в войне или в мудрости», 3).

Через несколько десятилетий другой греческий автор – Лукиан – описал историю «марафонского бегуна» Филиппида, за день добежавшего из Марафона до Афин: *«Обращаясь к архонтам, которые сидели, тревожимые исходом битвы, он воскликнул: “Радуйтесь, мы победили”. Сказав это, с вестью на устах умер»* («В оправдание ошибки, допущенной в приветствии», 3).

Странная история, не правда ли? В одной книге упоминается скороход Евкл, в другой – Филиппид. Может быть, этот тот самый Фидиппид, побывавший перед битвой в Спарте? Но тогда он явно заблудился, перебегая из одной исторической книги в другую! Почему Лукиан пошел наперекор известным фактам и заставил «своего» Филиппида бежать совсем в иную сторону?

А может быть, в риторической прозе Лукиана этот Филиппид-путаник возникает вовсе не для того, чтобы размеренно бежать вдоль дороги фактов. Что если, рассказывая эту историю, Лукиан думал не о правде событий, а об их символике? В образе воина-бегуна, бросившего вызов не только варварам-азиатам, но и самой природе, ее просторам и высям, идеально воплотился простой солдат-афинянин – один из тысяч безымянных героев, отстаивших свободу Эллады, один из неизвестных солдат, павших в битве за нее. И пока солдат бежит, еще Греция не погибла.

Так поколения школьников, получавших классическое образование, пополнили багаж знаний еще одним «хрестоматийным примером героизма», а поколения спортсменов стали в последние сто лет соревноваться в беге на «марафонскую дистанцию», точную протяженность которой не назовут даже специалисты. В принципе, если считать, что легендарный скороход мчался по прямой, пересекая горную кручу, то он пробежал 36 километров. Однако соревнования по марафонскому бегу проводятся на дистанции 42 195 метров.

А как все-таки прикажете звать солдата-глашатая, Евкл или Филиппид? Да никак. В Древней Греции не принято было называть скороходов по имени.

Горе побежденным!

387 г. до н. э.

Кто знает, сколько героев, богатырей, гениев умерло или погибло в младенчестве? А сколько великих империй было задушено в зародыше?

Эта печальная участь едва не постигла и Рим. В 387 г. до н. э. еще не окрепшая Римская республика была разгромлена кельтами, совершившими грабительский набег. От такого удара Рим мог не оправиться. Что же произошло?

Историю вторжения кельтского племени сенонов в Италию в начале IV в. до н. э. подробно описали римский историк Тит Ливий и греческий историк Плутарх. Последний, например, так объяснил подоплеку этого военного похода.

Случилось так, что галлы, *«народ кельтского происхождения [...] впервые попробовали вина, доставленного из Италии, и этот напиток настолько их восхитил, что от неведомого прежде удовольствия все пришли в настоящее неистовство и, взявшись за оружие, захватив с собою семьи, устремились к Альпам, чтобы найти ту землю, которая рождает такой замечательный плод, все прочие земли отныне считая бесплодными и дикими»* («Камилл», 15).

Сегодня историки относятся к этому рассказу как к забавной легенде, ведь трудно поверить в то, что целый народ,

поддавшись задору пьяных вождей, решился на переход через Альпы, высочайшую горную систему Европы, и войну с народами, населявшими Италию.

Более рациональное объяснение той катастрофе, что ждала римлян, — тому «потопу», что обрушился на них с севера, — дал Тит Ливий. По его словам, земли, населенные кельтскими племенами, — территории современных Франции, Бельгии и Швейцарии, — были так обильны народом, что их правитель решил *«избавить свое царство от избытка людей»* («История Рима от основания Города», V, 34, 3).

Очевидно, по этой причине некоторые кельтские (галльские) племена, в том числе сеноны, на рубеже V–IV вв. до н. э. двинулись на поиски новой страны, где могли бы обосноваться. Около 400 г. до н. э. галлы достигли плодородной долины реки По на севере Италии и стали продвигаться в глубь Апеннинского полуострова. Рано или поздно они должны были вторгнуться в пределы Римской республики, крупнейшего государства Центральной Италии. Их столкновение было неизбежным.

В то время Римская республика настойчиво стремилась расширить свои границы. В течение многих лет она вела войну с соседними этрусскими городами. Вот только если классический Рим (поздняя Римская республика, Римская империя) был идеальной «военной машиной», то в начале IV в. до н. э. римляне располагали сравнительно слабой и малочисленной армией, подчас терпевшей поражения.

Едва ли не самый жестокий удар ждал их в 387 г. до н. э. Тогда, в середине лета, галльское войско численностью около 30 тысяч человек на берегу небольшой реки Аллия, в 15 километрах от Рима, разгромило армию римлян, насчитывавшую, по словам античных авторов, 40 тысяч человек.

Когда две армии сошлись, стало ясно, что у римлян нет настоящего полководца. Тот, кто мог повести их за собой, прославленный Марк Фурий Камилл, был давно изгнан из Рима. Лишенные настоящего вождя, солдаты позорно бежали. *«Галлы онемели от этого чуда. Повергнутые в страх своей собственной молниеносной победой, они сперва застыли, не понимая, что произошло»* («История Рима от основания Города», V, 39, 1), – писал Тит Ливий. Поражение в битве при Аллии стало одной из величайших военных неудач в римской истории.

Бренн бросает меч на весы со словами «Vae victis» – «Горе побежденным!».

Гравюра 1886 г.

Однако эта неудача явилась только предвестием горшего позора. Галлы направились к Риму. Город был беззащитен. Жители спешно покидали его.

В Рим, чтобы оборонять город, вернулись лишь около тысячи воинов. Вместе с горсткой горожан они укрылись на Капитолийском холме за мощными крепостными стенами. Туда же была перенесена и римская казна.

Когда галлы подошли к Риму, их ждали открытые городские ворота. Опасаясь ловушки, *«испуганные странным безлюдьем»* («История Рима от основания Города», V, 41, 6), захватчики шли по пустым улицам города. На центральной площади, римском Форуме, им открылась поразительная картина. Молча, словно каменные статуи, стояли старые римские сенаторы. Не имея при себе никакого оружия, они ожидали решения врагов, готовые принять от них жизнь или смерть. Галлы перебили их всех, как согнанный вместе скот. Затем они бросились грабить город, поджигая разоренные дома. Они не знали жалости к побежденным. Плутарх писал, что они *«казнили всех пленников – мужчин и женщин, старых и малых, без разбора»* («Камилл», 22).

Это был их последний успех. Они считали себя победителями, но окруженная ими Капитолийская крепость не сдавалась. С трех сторон отвесные скалы преграждали подход к ней, а единственную дорогу, что вела наверх, римляне зорко охраняли днем и ночью, всякий раз прогоняя нападавших.

Словно *Hannibal ad portas* («Ганнибал у ворот»), галлы стояли у подножия Капитолия, но, говоря словами поэта, сказанными о другом незадачливом победителе, Рим не пошел «к нему с повинной головою» (А. С. Пушкин).

На стороне римлян в этой войне были, кажется, все – и силы небесные, римские боги, хранившие их, и твари земные, например священные гуси, жившие при храме богини Юноны, супруги Юпитера. По преданию, во время ночной вылазки галлов, все-таки отыскавших потайной ход в стене, гуси своим «гоготом и хлопаньем крыльев» вспугнули заснувших часовых и спасли Рим – рассказ об этом приводит Тит Ливий («История Рима от основания Города», V, 47).

Шли месяцы. Галлы, как голодные волки, все стерегли добычу. Вокруг них лежали пепелища города, сожженного ими в разбойном азарте. Завладев лишь богатствами убитых римлян, этим «презренным металлом», галлы теперь так же, как осажденные, мучились от голода. А обыденный ход времени готовил им новые испытания. Лето сменилось осенью, а потом зимой. От холодных дождей, от стужи захватчикам, рано отпраздновавшим победу, негде было укрыться. Болезни начали выкашивать галльских воинов, как ветер – сухую листву. Лишь одно могло положить конец их лишениям: когда у римлян кончатся запасы пищи, они умрут или сдадутся.

Единственной надеждой для римлян оставался Камилл, их гордый полководец, изгнанный из города за то, что возжелал там царить. Защитники крепости пытались связаться

с ним, но получить известия от полководца не удалось. Надежды на помощь таяли, как и запасы еды.

Тогда, гласит предание, осажденные прибегли к хитрости – «начали во многих местах кидать с Капитолия хлеб во вражеские караулы» (Тит Ливий, V, 48, 4). Задумка сработала. Встреченные этим «хлебным дождем» галлы поверили, что защитники крепости не знают ни в чем недостатка и готовы сидеть в своем «граде на холме» еще многие месяцы.

Наконец, по прошествии семи месяцев, Бренн, вождь галлов, решил снять осаду, напоследок все же сторговавшись с римлянами о выкупе.

Римляне выплатили врагам 1000 фунтов золотом (12,5 таланта). Это была солидная сумма. К тому же, когда галлы взвешивали полученную добычу, они использовали фальшивые весы, занижавшие вес принесенного золота. Когда римляне возмутились обманом, Бренн бросил меч на весы и сказал: «*Vae victis*» – «**Горе побежденным!**».

Казалось бы, Рим был сломлен, сокрушен. Но худшая беда миновала. Галлам нужна была лишь богатая добыча, а не покоренные земли. Рим сохранил свободу. Оправившись от тяжкого, но не смертельного удара, он, как легендарная птица Феникс, восстал из пепла. Его ждало блестящее будущее. Прошли столетия, пришло отмщение. Обширные области, населенные галлами, Рим захватил. Под его властью в середине I в. до н. э. оказалась вся территория современной Франции – кельтская Галлия.

Еще римские историки, рассказывавшие о катастрофе, постигшей Рим в 387 г., старались подчеркнуть, как военный разгром впоследствии отчеканился в полновесные победы. Золото, однажды расхищенное галлами, возвращено было сторицей.

Ну а Тит Ливий завершил печальный рассказ о падении Рима поучительной историей о том, как разгневанные римские боги покарали галлов. Орудием возмездия, этим бичом Божьим, стал Камилл, возглавивший собранное им ополчение римлян. Он настиг галлов, когда те возвращались с добычей, и разгромил их, вернув римлянам все награбленное. Галлы же были поголовно перебиты, и даже *«из врагов не осталось никого, кто мог бы сообщить о поражении»* (V, 49, 6).

По преданию, Бренну еще пришлось выслушать сказанное им когда-то присловье. Ведь Камилл нанес ему смертельный удар со словами: **«Горе побежденным!»** Расправившись с врагами, он произнес еще одну лаконичную фразу, которая вошла в поговорку: *«Мы, римляне, платим не золотом, а железом!»*

(Вот только верен ли этот рассказ? Живший полтора века спустя римский историк Светоний в своей книге «Жизнь двенадцати цезарей» («Тиберий», 3) мимоходом обмолвился о золоте, *«которое было выплачено сенонам при осаде Капитолия и которое, вопреки преданию, не отбил у них Камилл»*.)

В любом случае, катастрофа 387 г. до н. э. лишь ненадолго задержала блистательное возвышение Рима. Его жители заново отстроили город. По-видимому, тогда в Риме впервые появились каменные стены. Остатки внушительной Сервиевой стены сбережены и поныне.

В течение IV в. до н. э. Римская республика постепенно стала ведущей политической силой в Италии, даже несмотря на многолетнюю борьбу римских патрициев с плебеями. Галлы же так никогда и не создали своего государства. Со временем они растворились в других народах и исчезли из анналов истории.

И все-таки современные историки подчеркивают, что «катастрофа 387 года» стала тяжелейшей психологической травмой для римлян. Память о *dies ater*, «черном дне», укоренилась в римской историографии. Античные писатели непременно рассказывали о том событии во всех подробностях, не щадя чувств читателей. Несправедливые страдания пращуров заставляли сильнее биться сердца римлян и с еще большей страстностью восхищаться «справедливыми победами римского оружия».

Немецкий историк Йохен Блейкен, автор «*Geschichte der Römischen Republik*» – «Истории Римской республики» (1980), писал: «Они [римляне] никогда не забывали ужасного несчастья, ставшего для них шоком, и даже спустя многие столетия, когда Рим уже стал мировой державой, любой римлянин испытывал леденящее чувство ужаса, стоило

лишь завидеть где-то вдали галлов».

Страх перед галлами и ненависть к ним были все еще живы в сердцах римлян в середине I в. до н. э., когда Гай Юлий Цезарь повел свою затяжную войну с галльскими племенами. К тому времени Римская республика завоевала большую часть известного тогда мира. Галлы, как некогда римляне, оборонявшие Капитолий, отчаянно сопротивлялись, но все же были поработаны. За унижением Рима пришло время вечной славы. За торжеством галлов – их поражение, истребление, рассеяние.

Знаменитый немецкий историк Теодор Моммзен, удостоенный в 1902 г. Нобелевской премии за свой труд «Римская история», даже предположил, что тайной подоплекой того нескончаемого натиска римских армий на все соседние земли было стремление окружить себя огромным кольцом подвластных Риму стран, чтобы – в случае необходимости – вести оборонительные войны на их территориях и навсегда оградить Рим от вражеского вторжения. Вся многовековая экспансия римлян, если согласиться с Моммзеном, коренится в событиях одного-единственного дня, 18 июля 387 г. до н. э., «черного дня» римлян.

Не заслоняй мне солнца!

336 г. до н. э.

Один был проклятием для сограждан. Другой – проклятием для всего мира. Однажды они встретились и поговорили. Разговор был лаконичным. И вот уже более двух тысяч лет историки вспоминают и истолковывают его.

Речь идет о легендарной встрече царя Александра III Македонского (356–323 до н. э.) и радикального философа-опрошеница Диогена Синопского (412–323 до н. э.) – самого яркого представителя кинического направления в философии, если следовать не эмоциям, а терминологии. По преданию, они встретились в 336 г. до н. э. в Коринфе.

В Коринфе, центре тогдашней политической жизни Греции...

После гибели отца, царя Филиппа II, юный Александр объявил, что, став его преемником, считает себя, как и прежний правитель, законным гегемоном эллинов. Стремясь не допустить, чтобы греческие города восстали и заключили союз для борьбы со своими северными соседями – македонянами, которым до Филиппа II никогда не подчинялись, царь решил созвать в Коринфе новый конгресс Панэллинского союза. Это собрание должно было подтвердить наследственные права Александра.

Так и произошло. Представители всех греческих городов, кроме спартанцев, не приехавших на конгресс, послушно выполнили все, что от них требовалось. «Аншлюс» Греции был подтвержден. Как саркастично писал свидетель австрийского «аншлюса» 1938 г. австрийский историк Фриц Шахермайр, «испуганные греческие города старались превзойти друг друга в выражении верноподданнических чувств и уверяли царя в своей лояльности».

Кроме того, конгресс 336 г. до н. э. еще раз принял решение о войне против персов. Перед двадцатилетним царем, назначенным, как и его отец, стратегом-автократором в грядущей войне, открывались блестящие (но и опасные!) перспективы. Он призван был совершить подвиги – или героически погибнуть. Сокрушить Персидскую державу – или быть раздавленным ею. Он был, словно одинокий гоплит, с копьем наперевес бросившийся на стену крепости. Треск сломанного копья, свист летящих навстречу стрел – вот что, вероятнее всего, ждало его в этом походе, куда греки с затаенной радостью отправляли своего покорителя.

Любого стороннего наблюдателя такая перспектива ужаснула бы. Но царь с радостью и надеждой ожидал будущего. И вот тогда, по легенде, он встретил человека, который ничего не ждал от будущего, отвергал эту иллюзию, мешавшую людям жить, а жил настоящим. Царь встретил Диогена.

В сопровождении нескольких приближенных Александр III, получивший блестящее образование (его настав-

ником был Аристотель), решил лично отправиться к мудрецу Диогену, жившему в Коринфе.

В наши дни его затея наверняка была бы обречена на провал: Диоген давно содержался бы в психиатрической клинике — настолько неадекватными казались его поступки.

По словам греческого писателя-моралиста Теофраста, Диоген понял, как надо жить, присмотревшись однажды к мышонку, который не нуждался в подстилке, чтобы спать; не пугался темноты; не искал наслаждений. С тех пор он жил под открытым небом и спал на плаще, что был его единственным одеянием. По сути он был нищим, бездомным человеком, но природный ум и хорошее философское образование (он был учеником Антисфена, который, в свою очередь, учился у Сократа) превратили этого «бомжа», поселившегося в громадном пустом сосуде (по распространенной ошибочной версии, в бочке), в остроумного мудреца, любившего хлесткие, презрительные фразы и неожиданные поступки. Ему нравилось шокировать и озадачивать окружающих так, что те поневоле считали его безумцем.

Он проповедовал, что человек может быть счастлив, лишь когда откажется от всего материального и будет жить в согласии с природой. Сам он виртуозно избавился почти от всех предметов, которыми мы пользуемся в обыденной жизни. Он даже выбросил чашу, из которой пил, увидев, как мальчишка пьет воду из ладони. Ел тоже с руки. Питался, чем придется: сырыми овощами, которые подбирал во время

прогулок, оливками, поднятыми под деревом, сорванными где-то травами и бобами. Он жил так же легко и свободно, как живет любой зверь, или, говоря евангельским языком, жил подобно «птицам небесным» и «лилиям полевым».

Себя Диоген называл *κύων* – «собака» (отсюда название его философской школы – «киники»). Киники считали, что человек ни в чем не должен зависеть от общества, а потому отвергали все, им созданное, – политику, религию, искусство, традиции и приличия. Они отрицали все общепринятые ценности.

Эта манера поведения так шокировала современников, что слово, именующее ее, глубоко укоренилось в языке. Мы и сегодня, две с лишним тысячи лет спустя, называем «циничным», то есть «киничным», человека, который оскорбляет все, что нам дорого.

Жизнеописание Диогена Синопского, оставленное античным биографом Диогеном Лаэртским, изобилует абсурдными сценами. *«Желая всячески закалить себя, летом он перекатывался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом. [...] Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичьи; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевеливаются. Он говорил, что люди соревнуются, кто кого толкнет пинком в канаву, но никто не соревнуется в искусстве быть прекрасным и добрым»* («Жизнь, уче-

ния и изречения знаменитых философов», VI, 2).

*Александр Македонский перед Диогеном.
Художник И. Ф. Тупылев. 1787 г.*

На вопрос о том, где в Греции ему довелось видеть хороших людей, категорично сказал: «Нигде». Однажды он принялся даже звать: «Люди, люди!» А когда его обступила толпа, стал прогонять собравшихся палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев». Приведенный в дом к богачу, он осмотрелся и плюнул ему в лицо, добавив, что не нашел

в его доме места хуже.

В своем стремлении свести жизнь человека к «самым элементарным», «первичным» потребностям, уподобить ее жизни животного Диоген решительно порывал со всеми табу, во многом опередив не только свое, но и – приходится говорить с опаской – наше время.

Столь же радикален он был и в политике. Призывал упразднить все государства. Говорил, что люди не должны связывать себя ничем с родной страной – следует быть «людьми мира», космополитами. Традиционное образование считал пустячной, ненужной тратой времени.

Как и многих, кого за глаза называли ненормальными, его волновала проблема безумия. Для себя он решил ее так: стал звать сумасшедшими тех, кто живет не так, как он: не ходит с сумой, не пренебрегает условностями, а заботится о том, как разбогатеть, да какое впечатление произвести на других, да что эти другие скажут о нем. Эти фальшивые цепи тщеславия вкупе с чужими пересудами не дают большинству людей жить своей жизнью, принуждая их быть рабами целого света.

Сам он к чужим мнениям относился наплевательски. Во всем мире для него не было никаких авторитетов. Говорили, что во время войны греков с македонянами Диоген попал в плен и был приведен к Филиппу. Тогда на вопрос царя, чем он занимается, он ответил неслыханными словами: *«Слежу за твоею ненасытностью»*. Изумленный царь отпустил его.

Несомненно, что подобная манера поведения и привлека-

ла к нему юного Александра III, который, только-только придя к власти, все еще оставался зависим от окружавших его людей. Он тяготился опекой и не хотел считаться ни с чьим мнением – так, как это делал Диоген. Говорят, что царь даже сказал: *«Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»*.

Со временем став всесильным, грозным монархом, он научится вести себя с людьми, как Диоген. Отныне он будет смотреть на человечество сверху вниз. Для него будут существовать лишь он сам – солнце, воссиявшее над покорным ему миром, – и его подданные, которые должны слепо повиноваться светилу, иначе будут испепелены им. Пока же юный царь задумчиво бродит по Коринфу, высматривая Диогена...

Об их встрече впоследствии поведали знаменитый римский оратор Цицерон (106—43 гг. до н. э.) в своих «Тускуланских беседах», историк Плутарх (46—127 гг.) в биографии Александра Македонского и Диоген Лаэртский (II—III вв.).

Царь Александр и его спутники нашли Диогена нежащимся на солнце. Он отдыхал, наслаждался – ничего большего не хотел от жизни. От жизни, что, как вода, изливаемая из кувшина, стремительно утекала от него. Долгая аскеза иссушила его тело, а кожа, едва прикрытая грубой тканью, задубела от жаркого солнца, дождя и ветра. Рядом лежало все его имущество: знаменитая палка, с которой он разгуливал по городу, и небольшая сума: философ-циник собирал в нее

объедки.

Царь подошел к философу, тенью навис над ним. «Я – Александр, царь Македонии!»

«Я – Диоген, киник», – ответил старик.

Если царь и слышал прежде, что Диоген – самый неприхотливый из людей, теперь он это лицезрел. Если царь и слышал прежде, что Диоген – самый независимый из людей, теперь он убедился в этом наяву.

«О, Диоген! Назови мне свое желание! Я исполню его, сколько бы это ни стоило!» В душе царя шевельнулась гордость оттого, что лишь он один властен осчастливить мудреца. Диоген приподнялся. Из глубины той мрачной тени, что отбрасывала фигура царя, светились белки старческих глаз; из глубины тени взывал его голос: **«Не заслоняй мне солнца»**.

Изумленный ответом, царь отошел. Диоген кивком поблагодарил его. Разговор был окончен.

Покидая уличный приют философа, царь был непривычно молчалив. Зато его спутники вовсю потешались над дряхлым нищевродом, который и не знал, наверное, кому нагрубил. Вот тогда царь грустно промолвил, что *хотел бы быть Диогеном*.

А сам Диоген, словно перечеркивая все, что свершит его неожиданный собеседник, признался, что *«живется ему лучше, чем персидскому царю: ему всегда всего хватает, а царю всегда всего мало; ему ничего не нужно из услад, которыми*

персидский царь не может насытиться, а его, Диогеновы, улады царь навряд ли способен разделить» (Цицерон).

Так завершилась встреча двух самых свободных людей Македонии и Греции – царя Александра и «босняка» Диогена, состоявшаяся «в начале славных дел» царя – в канун его страшных военных походов. И подобные встречи философа (или ученого, или художника, или аскета) и царя (тирана, вождя, демагога, олигарха) в последующие века повторялись не раз.

Немецкий философ Освальд Шпенглер в «Закате Европы» даже придал этой фразе Диогена убедительность общественного закона, показывающего, что среда человеческая крайне неоднородна и распадается на «материю духа» и «антиматерию силы»: «Слова о “полевых лилиях” являются для глубоко религиозных (и философских) натур безусловной истиной. Натуры эти всем центром тяжести своего существования пребывают вне экономики и политики, как и вне всех прочих фактов “этого мира”. Об этом мы знаем по эпохе как Иисуса, так и св. Бернара и фундаментальному ощущению сегодняшней русскости, а также и по образу жизни Диогена или Канта» (т. 2, гл. 5, I).

И факты «этого мира» никогда не утешат подлинных мудрецов, зато лучи солнца и звезд сияют для них.

Умерли же царь Александр и Диоген, по преданию, в один день – 10 июня 323 г. до н. э. Один умер молодым, успев совершить множество подвигов во славу смерти, которую

несчетно сеял на земле. Другой умер в глубокой старости, и все, что он делал под солнцем, было одним нескончаемым подвигом жизни.

Во вселенной бессчетное множество миров, а мы еще и одного не завоевали!

327 г. до н. э.

Путь властелина, завоевателя всех возможных миров, стран близких и далеких, всегда кончается этим.

Вот, например, один из последних дней весны 323 г. до н. э. в Вавилоне. Воздух, как горячий сироп, растекается над поверженным, распростертым человеком. Этот едва шевелящийся полутруп – молодой, грозный царь.

Это – Александр III, более известный как Александр Македонский, давно уже, ныне и во веки веков называемый Великим.

«Сын бога», волею своего духа обретший «Отца-бога» в одном из египетских святилищ. Когда-то, во время похода на Индию, он запальчиво сказал: **«Во вселенной бессчетное множество миров, а мы еще и одного не завоевали!»** (Плутарх, «О безмятежности духа»).

Увы, такова планида людская! В какую бы даль Востока ни завел царя его неистовый нор, его путь неизбежно окончился бы тупиком.

И вот теперь возлежащий в царском дворце, окружен-

ный ароматами благовоний и натираний, Александр Великий умирал.

Еще несколько дней назад его могущество казалось неколебимым. Он, решительный, сильный правитель, стоял во главе самой большой империи, когда-либо созданной на Земле.

Он, непобедимый царь, на первый взгляд, был невзрачным молодым человеком, чей рост едва превышал 1,6 метра. Но среди подданных он преображался. Белый плащ и диадема персидского великого царя заметно выделяли его в кругу людей.

Покорив Персидскую державу, он и сам стал великим царем. Его владения простирались от Македонии до Месопотамии, от Египта до Индии. В Персии он унаследовал титул поверженного им Дария III. В Египте стал фараоном и был провозглашен «сыном бога».

Величие замыслов окрыляло Александра. Одержимый желанием завоевать мир, он был в глубине души пожалуй что счастлив. Он одерживал одну победу за другой не только на фронтах бесконечных войн, но и на личном фронте. В 327 г. он выбрал себе в жены шестнадцатилетнюю красавицу Роксану, дочь Оксиарта, одного из самых знатных людей Бактрии. Теперь она ждала ребенка, будущего царевича Александра IV. Прекрасны были и две другие его жены, на которых он женился всего год назад: Статира, дочь Дария III, и Парисатида, дочь другого персидского царя Артак-

серкса III Оха.

Казалось, теперь, на вершине власти, он мог обрести покой. Но в ночь с 29 на 30 мая 323 г. до н. э. он был как никогда беспокоен. На рассвете, вернувшись с дружеской попойки, царь почувствовал себя смертельно усталым. Острая боль пронзила живот. От странной болезни, настигшей его, он уже не оправился. Его мучил жар и трепала тошнота. Неодолимая слабость охватила его. Царь, мечтавший о покорении этого мира и всех других, неведомых людям миров, умер спустя полторы недели. И все искусство всех лекарей было теперь бесполезно. «Сын бога» умер как простой человек, даже не достигнув возраста Христа, – в 32 года.

*Смерть Александра Македонского.
Гравюра 1886 г.*

Историк Эфипп (IV в. до н. э.) сообщил о последних минутах жизни царя: *«Он взял сосуд, сделал энергичный глоток, но не справился с ним, а тотчас отшатнулся назад на подушки, выпустив сосуд из рук».*

Он умер, чтобы воскреснуть в тысячах исторических сочинений, посвященных ему. Как правило, биографы описывали его как «культурного героя», «просвещенного империалиста», покорившего варварские страны Азии, чтобы приобщить их к цивилизации. Несколько лет его военных походов навсегда изменили судьбы Египта, Леванта, Малой Азии, Междуречья.

Цезарь, Калигула, Карл Великий, Наполеон лишь подражали ему. Летом 1942 г. тень Александра Македонского потревожил даже Гитлер, обмолвившись, что уроки великого полководца помогут одержать победу под Сталинградом.

Не вышло. А вскоре и историки начали пересматривать свое отношение к Александру Великому. Опыт двух мировых войн не прошел даром. Человека, не щадившего ни отдельных людей, ни армии, ни целые царства, перестали щадить и биографы. Теперь, утратив подобострастие, они смотрели на него жестко, безжалостно. Изрекали не похвалы – приговоры.

Описывая жизнь Александра Македонского, современ-

ные историки превратились в психиатров. «Болезненный дух смерти», «психотический характер», «саморазрушительная страсть к алкоголю» — все это тоже было присуще великому полководцу, как и стратегический гений или невероятная изобретательность. Историки подсчитали, что на пирах, которые регулярно устраивал Александр, ему требовалось не менее 4 литров вина, чтобы захмелеть.

Американский историк Джон Максвелл О'Брайан, автор изданной в 1992 г. биографии Александра Великого, обратился к *эфмеридам*, своего рода ежедневным придворным журналам, дошедшим до нас в немногочисленных отрывках. Их анализ позволил представить портрет царя в ином, непривычном свете. Вот несколько записей:

«На пятый день месяца диоса он пил у Медея; на шестой день, опьянев, заснул и пробудился только затем, чтобы обсудить со своими офицерами маршрут передвижения на следующий день. [...] На седьмой день он был приглашен к Пердикке и продолжил пить, а на восьмой день заснул».

Смерть македонского царя, очевидно, тоже была связана с острым алкогольным отравлением, от которого он так и не оправился, а вовсе не с ядом, якобы добавленным ему в пищу, как полагали некоторые античные авторы.

В наши дни диагносты-историки даже рискнули назвать точную причину смерти: воспаление поджелудочной железы (панкреатит), типичное заболевание алкоголиков. Группа американских врачей выступила на страницах *«New England*

Journal of Medicine» со своим особым мнением: хроническое отравление организма метанолом, веществом, возникающим при брожении красного вина.

Итак, Александр Великий был «алкашом», который допился до чертиков? Образ благородного воителя, объединившего Запад и Восток, связавшего воедино народы мира, меркнет у нас на глазах...

В нашумевшем фильме Оливера Стоуна «Александр» (2004) облаченный в белые одеяния царь гордо мчится на коне по дикой степи и отчаянно сражается с бородами персами, по-рабски покорными своему властителю. Сам режиссер объявил царя «рок-звездой» Античности.

Правда мрачна и неблагозвучна. Путешествие античного «культурного героя» в страну Востока стало катастрофой для Азии. Поход, начатый как «отмщение» за давнюю военную вылазку персов, привел к громадным человеческим жертвам – к гекатомбам трупов.

По оценкам историков, жертвами этой войны стало около 750 тысяч человек. Следуя безумной прихоти прослыть величайшим полководцем и покорить весь обжитой мир, Александр уничтожил громадную многонациональную империю, где людей уважали одинаково, независимо от их национальности и вероисповедания, где веками царили мир и покой, где была выстроена разумная административная система и хорошо отлажена система сбора налогов.

В этот античный «парадиз» (рай; от персидского *Pardes*)

Александр Македонский ворвался, чтобы поразить мир своей неслыханной жестокостью. По его приказу

– пленных распинали (после взятия финикийского города Тира всех его жителей, способных носить оружие, распяли на крестах, поставленных вдоль побережья);

– политических противников побивали камнями (после так называемого «заговора пажей», заговора юных македонян, находившихся во время похода в Азию при штабе Александра, царь самолично написал в Македонию своему наместнику Антипатру: «*Македоняне побили пажей камнями*»);

– во время похода в Индию истреблялись целые народности. Австралийский историк Альберт Босуорт, автор книги «*Alexander and the East. The Tragedy of Triumph*» – «Александр и Восток. Трагедия триумфа» (1996), назвал действия Александра «геноцидом». «Зверства воинов навели ужас на преследуемых» – так лаконично описал одну из побед молодого царя Фриц Шахермайр, автор фундаментального трехтомного исследования, посвященного Александру Македонскому (рус. изд. 1997).

К слову, безжалостно мрачную книгу Шахермайра об Александре Македонском критики справедливо связывали с тем, что молодость австрийского историка пришлась на эпоху всеобщего – в Германии и Австрии – увлечения Гитлером. На страницах его книги безумный вождь македонской солдатни, царь Александр, удачливый, демонический, асексу-

альный, готовый истреблять людей, как мух, ради того, чтобы его мечта о «всемирном царстве земном» сбылась, становится пугающе похож на безумного вождя немецкой толпы – Гитлера.

Разумеется, при жизни Александра Македонского любое злодеяние, совершенное им, превращалось в триумф. Ведь он был окружен толпой льстецов и лжецов, «лакировщиков действительности», «фальсификаторов истории».

Уже первые биографы Александра, свидетели его жизни, возвеличивали и обожествляли его. Это и управляющий царским двором Харес (в своих записках, отмечал Шахермайр, «многие интересные услышанные им при дворе разговоры он передал слово в слово»), и полководец Птолемей (он был «самым трезвым, осторожным, изворотливым и лояльным среди приближенных царя» (Шахермайр), таковы же его записки, при их составлении Птолемей широко использовал документы царской канцелярии, эфемериды, личные воспоминания, а возможно, и собственные записи), и инженер-строитель Аристокл (в старости он опубликовал свои походные записки, будучи раздражен романтическими преувеличениями в биографиях Александра), это и флотоводец Неарх (он опубликовал описание путешествия по Инду и океану).

На описаниях, оставленных этими «коленипоклоненными» современниками, основаны наиболее известные из дошедших до нас биографий Александра Великого – книга

римского офицера греческого происхождения Арриана «Поход Александра» и очерк Плутарха «Александр», включенный в «Сравнительные жизнеописания». Оба произведения появились во II в. До наших дней они остаются одними из самых популярных книг для чтения, написанных античными авторами.

Разумеется, у человека, обречшего на смерть сотни тысяч людей, при жизни были не только почитатели, но и противники, например философы-стоики и ученики школы Аристотеля, чей племянник, историк Каллисфен, был фактически замучен до смерти по приказу Александра. Но все их труды пропали втуне, рассеялись, как пыль времен. До наших дней дошли лишь фрагменты сочинения Эфиппа. Он называет царя *«несносным, охочим до убийств»*. Эту оценку разделяют все больше современных историков.

На протяжении десяти с лишним лет Александр Македонский испытывал невероятное напряжение – жил в постоянном ожидании смерти, жил, презирая смерть и чуть ли не любя ее. Этот нескончаемый военный поход, начатый с одной только целью – завоевать весь мир, – мог бы сломить любого человека, а не только одинокого нервного юношу, коим был Александр «в начале славных дел».

В сражениях он не отсиживался позади солдат, а бросался в самую гущу битвы. Несколько раз едва не был убит, но удары – то в ногу, то в плечо, то в грудь – всякий раз были несмертельны. Ставший в Египте богом, он был, как бог,

неуязвим для слабых людских орудий.

С годами изменился и его характер. С юных лет ему была присуща «вспыльчивость» (Плутарх). Завоевав полмира, он стал и вовсе вполоборота впадать в «бешенство» (Эфиоп).

Любая строптивость сподвижников царя стоила им слишком дорого. Сперва Александр легко, не задумываясь, а лишь следуя своим подозрениям, приказал казнить Филоту, сына македонского полководца Пармениона. Затем в виде превентивной меры пришлось предательски убить самого Пармениона.

Вспоминал ли он, подсылая убийцу к Пармениону, как менее десяти лет назад тот помог ему прийти к власти, безоговорочно признав его – далеко не очевидные – права на престол? Александр был из тех людей, кто не задумывается, чем платить за добро – добром или злом. Он платил всегда по выгодному для него курсу, расправляясь с людьми, «словно речь шла о каких-нибудь насекомых» (Шахермайр).

Свою милость к Пармениону Александр проявил лишь в одном: избавив его от ненужных пыток. Старика закололи ударом кинжала в спину, когда он наклонился над письмом, намеренно присланным от царя.

Даже апологеты Александра Македонского стыдятся некоторых его поступков, например того, что, поссорившись во время пира со своим ближайшим другом – Клитом, царь убил его ударом копья. После содеянного Александр тут же раскаялся. Его биографы красочно пишут о том, как

этот убийца, бесчувственный, как крокодилы Египта, лил над убитым слезы: *«Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали»* (Плутарх).

Он продолжал горевать до тех пор, пока мудрые советники, привыкшие получать милости от царя, не успокоили своего благодетеля, сказав, что сами боги хотели наказать Климата, а Александр был орудием в их руках. Царь утешился и забыл обо всем. Отныне любой его приступ гнева можно было оправдать мудрым расчетом провидения. Он был неподсуден, как бог.

Позволив обожествить себя варварам, он и греков вскоре «превратил» в варваров, добившись в 324 г. до н. э. того, чтобы дружественные греческие государства, входившие в Коринфский союз, также объявили его богом. «Греческие города покорно вотировали требуемые законодательные акты», – писал советский историк И. Ш. Шифман («Александр Македонский», 1988).

Подобно античным богам, он «всегда и во всем стремился к непомерному», писал австрийский историк Франц Хампль, автор диссертации *«Der König der Makedonen»* – «Царь македонян» (1934). Исходив вдоль и поперек всю Персидскую державу и соседние с ней страны, Александр Македонский преодолел 35 тысяч километров. Но для чего все это было? Античные историки, не находя других объяснений, писали,

что его гнала вперед «страсть».

В сущности, он был «мрачным мировым демоном», «апокалипсическим разрушителем старого мира», он «не раздумывал и судил, он просто уничтожал всех, кто оказывал ему сопротивление» (Шахермайр). И «страсть» его была слепа.

Он неустанно завоевывал новые территории, а в это время на покоренных им землях вспыхивали восстания, как это было в Согдиане (оно разразилось в сентябре 329 г. до н. э. и охватило сразу всю Согдиану). Зимой 327/26 гг. до н. э. область, граничившая с Индией, была передана в управление македонянину Никанору, но вскоре после ухода войск Александра тот был убит. А ведь «в тогдашних условиях управлять покоренными индийскими областями из Суз или даже Вавилона было попросту невозможно», писал Хамплъ.

Летом 323 г. до н. э. Александр Македонский собирался в очередной поход. Он решил завоевать Аравийский полуостров. Никто до него не отваживался повести свою армию в этот жаркий, пустынный край, почти не населенный людьми. Лишь смерть царя помешала выполнить задуманное. Так закончился жизненный путь человека, родившегося в 356 г. до н. э. на окраине тогдашнего культурного мира, в одном из глухих его уголков – в македонской столице Пелла.

...Мать Александра, царица Олимпиада, уроженка Эпира, государства, лежавшего рядом с современной Албанией, была страстной поклонницей мистических культов и даже танцевала в кругу вакханок с ядовитыми змеями в воло-

сах. Немецкий историк Михаэль Пфроммер, автор работы «*Alexander der Große. Auf den Spuren eines Mythos*» – «Александр Великий. По следам одного мифа» (2001), пишет о ее «взрывном характере». Уже после смерти сына, во время войны, разгоревшейся между его преемниками – диадохами, она была до смерти побита камнями. Только так удалось «положить конец козням, исходившим от нее».

Пока был жив Александр, подобного и помыслить было нельзя. Он любил свою мать. Он рос нежным, мечтательным юношей и под ее влиянием даже учился играть на лире. Позднее, во время Персидского похода, он почти каждый день писал ей письма.

Отношения Александра с отцом, царем Филиппом II, были прохладными. Во многом это объяснялось назревавшим разрывом между родителями.

Царь Филипп был женат семь раз. Когда Александру исполнилось 16 лет, его отец женился в восьмой раз – на юной македонянке Клеопатре, которая была почти ровесницей сыну. И так ли Филипп нуждался теперь в сыне, честолюбивом и своевольном Александре? Дядя новой избранницы царя открыто говорил о праве детей от нового брака на престол и наследование.

Александр, мечтавший о царской власти, даже попытался уехать в Малую Азию – в Карию, чтобы жениться и стать там царем, но его планы были перечеркнуты отцом. Теперь тот готов был отстранить его и от власти над Македонией. Он

выказывал нерасположение к сыну и даже, выведенный им из себя, однажды едва не замахнулся на юношу мечом, «но, будучи пьян, не удержался и упал» (Шахермайр).

Все изменило коварное убийство царя-отца (историки не исключают, что за покушением стояла отвергнутая царица – Олимпиада). Это убийство смешало весь расклад сил в царском доме. Оно породило целую «цепь казней и убийств» (Шахермайр). Александр, не теряя времени даром, устроил «кровавую баню», приказав перебить почти всех мужчин, состоявших с ним в родстве, чтобы никто, хоть немного наделенный волей, не мог отнять у него власть. Его молодая мачеха, Клеопатра, была доведена до самоубийства. Ее ребенок был убит страшной, как фурия, Олимпиадой.

Позднее, в египетском оазисе Сива, Александр открыто отрекся от своего царственного отца, объявив себя сыном бога Амона.

Истребив македонскую знать, юный царь Александр обратил внимание на соседей. Вначале покорил племена, жившие к северу от Македонии, а затем добился покорности от греков, став их гегемоном. Когда против него восстали «семивратные» Фивы, доминировавшие в Греции в последние десятилетия, Александр приказал разрушить город, а 30 тысяч оставшихся в живых фиванцев обратить в рабство.

Весной 334 г. до н. э. Александр повел армию на Восток. Сбывалось то, о чем греки только мечтали. Сбывалось то, что его отец лишь замышлял: 32 тысячи пехотинцев и более

5 тысяч всадников переправились через Дарданеллы.

Войну с Персидской империей повели сразу два царя Александра. Один был законченным романтиком, другой – жестоким практиком.

Один вдохновлялся Гомером и его рассказом о Троянской войне. Спал, положив под подушку «Илиаду». Мечтал отыскать гробницу Ахилла.

Другой девять лет подчинял своей власти громадную Персидскую державу, западная часть которой охватывала Малую Азию, современные Сирию, Ливан, Израиль и Египет, а восточная граница пролегла по территории Пакистана. В этой войне он не считался ни с какими жертвами. Поля сражений, прославленные победителями, были усеяны смрадными трупами побежденных.

В трех грандиозных битвах – при Гранике (334), Иссе (333) и Гавгамелах (331) – и множестве мелких сражений были наголову разбиты войска персидского царя и многочисленные неприятельские отряды, пытавшиеся оказать сопротивление. Все эти военные операции закрепили за Александром Македонским репутацию «гениального тактика», «непобедимого полководца», готового проявить чудеса храбрости.

В действительности своими успехами на Востоке македонская армия была обязана особому построению войск – фаланге. Выстроившись один за другим в 8 или даже 16 рядов и выставив перед собой пятиметровые копья (сариссы),

солдаты создавали живую, «колючую» стену, к которой было не подступиться. Эта стена убивала всех, кто приближался к ней. Мощное, тяжелое вооружение – мечи, щиты – и доспехи не мешали фаланге быть удивительно подвижной. Солдаты могли с неумолимостью боевой машины продвигаться вперед, перемалывая все на своем пути. «Закрытая щитами, охраняемая с флангов конными подразделениями фаланга была движущейся крепостью», – писал И. Ш. Шифман.

В традиционной историографии подчеркивалось, что Александр Македонский освободил Азию от персидского порабощения. На самом деле ее народы под властью персов пользовались очень широкими свободами. Греческие колонии в Малой Азии и вовсе процветали, избавленные от братоубийственных войн, на которые давно обрекли себя их соплеменники в государствах материковой Греции.

Персидские правители воспринимали власть как серьезную обязанность. С их точки зрения, писал Ф. Шахермайр, «существование империи должно быть нравственно оправдано творимым добром». В соответствии со своей религией, «в которой особенно сильно проявлялось этическое начало, они стремились нести миру благоденствие и процветание».

Вскоре и Александр Македонский по достоинству оценил административную систему, созданную персами. Он сохранил ее и даже стал назначать на должности сатрапов (наместников провинций) дельных персидских чиновников.

В январе 330 г. до н. э. пала духовная столица Персии –

город Персеполь, где горел вечный огонь зороастрийского культа. Для Александра этот город был «самым ненавистным местом на свете».

Несколько месяцев спустя он распорядился отпраздновать победу над персами в Персеполе. Под золотыми сводами дворца собралось множество людей. Вино лилось рекой. Но в разгар праздника Александр, в котором вновь пробудилась ненависть к персам, принялся поджигать зал, где шел пир. Вот как описывает эту отвратительную сцену Плутарх:

«Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью бежали, неся в руках факелы, и другие македоняне» («Александр», 38).

А сколько еще испытаний уготовила судьба тем, кто последовал за Александром III! Легко было царю взгрустнуть о том, что он еще не завоевал весь мир. Эту грусть вряд ли мог искренне разделить с ним хоть кто-нибудь из его сподвижников.

Чем дальше в глубь Востока продвигалась армия Александра Великого, тем мрачнее и недовольнее становились солдаты и офицеры. Рано или поздно любой из них задумывался о том, доколе будут длиться их блуждания по диковинным странам.

И вот усталые воины бредут по Согдиане, лежавшей на

территории современной Средней Азии, отбиваясь то от ее жителей, то от скифов, внезапно налетающих из пустыни. Когда же после двух лет войны с согдийцами и скифами македонская армия одержала очередную победу (здесь невозможно сказать «дежурную победу»), Александр вновь повел свое войско в неведомую страну, где солдаты то сражались с горными племенами, то штурмовали неприступную крепость, с трех сторон окруженную Индом.

Но и это еще не все. И вот уже солдаты, падая от усталости, бредут под тропическим ливнем по непроходимым индийским лесам, кишасшим змеями, и знают лишь, что дороге не будет конца.

Похоже, только Океан мог остановить этого царя, спешившего с упорством автомата достичь края света. «Океан», по Аристотелю, учителю Александра (он три года занимался с юным царевичем в Пелле), ограждал обжитую землю с востока. Там должен был завершиться путь покорителя мира.

Чтобы достичь «Океана», Александр в 327 г. и предпринял поход в Индию. Это была жестокая завоевательная война, война на уничтожение. По приказу Александра стирались с лица земли целые города.

Но силы природы оказались страшнее власти царя. Начался сезон дождей. Шахермайр так описал знакомство греков с этим климатическим феноменом: «Земля была покрыта водой, дороги – грязью; все, к чему прикасались воины, было скользким, заплесневелым. Продовольствие портилось, ору-

жие ржавело, люди страдали: ноги становились тяжелыми, как свинец. Когда-то могущественная армия превратилась в грязную, измученную толпу, одетую в индийское тряпье. У воинов оставались только усталость и отчаяние».

Наконец, армия взбунтовалась. Среди 120 тысяч солдат не нашлось, кажется, ни одного, пожелавшего продолжать тяжкий путь среди бескрайних болот, образовавшихся после ливней, длившихся уже несколько недель. Царь напрягал всю свою волю, все красноречие, чтобы призвать солдат к покорности. Они хотели лишь одного: вернуться домой. Им казалось, что, если они повернут назад, то, миновав все давно покоренные страны, вскоре окажутся дома, в своей унылой и полудикой, гористой Македонии. Вся экзотика Азии давно уже не привлекала их.

Из всего войска лишь царь все еще мечтал дойти до границ этого мира. Но и он, оставшись в одиночестве, отказался от давно задуманного плана и повернул назад. Мы же, приложив к географической карте линейку, бесстрастно скажем, что македонское войско отделяли от дома 4300 километров по прямой линии. Пройти до конца этот путь доведется немногим. Завоевание целого мира было тогда непосильным подвигом для людей.

«Оборвавшемуся походу надо было придумать какое-нибудь достойное завершение», – писал Шахермайр. Подобно тому как Геракл, дойдя до западной конечности ойкумены, воздвиг там 12 столбов, так и Александр приказал на восточ-

ной окончечности воздвигнуть 12 больших алтарей. По его замыслу, они должны были напоминать потомкам о совершенных им подвигах. Они, эти алтари, затеряны в непролазной индийской глуши...

В тот год Александру Великому исполнился 31 год. Он почти дошел до пределов известного грекам мира. Он залил этот мир реками крови. Словно ураган, он пронесся над многими странами, смёл и уничтожил мирно налаженную жизнь множества людей. Он покорял страну за страной, обращал в пепелища целые города, сокрушил громадное Персидское царство. Что ему было делать теперь, когда война закончилась и наступил долгожданный мир? Он, похоже, не знал. Он мечтал о мирах, которые мог бы завоевать, и не понимал, что делать с добычей, упавшей к его ногам.

Ему оставалось готовиться к покорению последних окраин ойкумены. Он мог бы направить войска в Аравию, Ливию, Карфаген, на Сицилию, в греческие колонии в Великой Греции (Южная Италия), в Галлию (Франция). Он велел построить в Египте тысячу кораблей, чтобы наладить оживленное сообщение с Иберией (Испанией).

Его мысль была занята, прежде всего, подготовкой новых походов, а не обустройством доставшихся ему земель. Став владельцем полумира, он откровенно скучал и ленился, все больше предаваясь беспробудному пьянству.

...Возвращение из Индии оказалось кошмаром. Неудачи теперь преследовали «гениального полководца», обильно со-

бирая смертную жатву с его солдат, колосившихся копьями на бескрайних азиатских просторах.

Обуянный дерзкою страстью *«всегда совершать лишь неслыханное и невероятное»* (Птолемей), он повел солдат через Гедросийскую пустыню, которую якобы не сумели пересечь восточные властелины – Семирамида и Кир.

Путь через пустыню стал дорогой смерти. Множество воинов бесславно погибли на этом пути. Когда остатки армии все же спаслись, солдаты отметили это событие, как величайший триумф – нескончаемым пиром. Царь в последний раз потешил свое непомерное «эго», разыгрывая во время пира роль Диониса, бога вина и страданий.

Дальнейший путь совершался в каком-то алкогольном угаре. Войско сопровождали танцовщицы, факиры, гетеры, помогая солдатам, озверевшим от диких походов, устраивать вакханалии.

Тем временем дела в Персидском царстве, доставшемся победителю, шли хуже некуда. Все беды плохого администрирования, все то зло, с которым боролись Дарий III и его предшественники, – коррупция, бюрократия, инфляция – одолевали разоренную страну. Лихорадочно возвращаясь к делам, Александр наказывал и смещал сатрапов, карал за злоупотребления македонских и греческих офицеров, которых сам же и назначал управляющими, но жесткие меры лечения застарелых недугов не помогали. На место тех, с кем царь только что расправился, обычно приходили такие же

жадные до денег, охочие до власти люди.

Весной 324 г. до н. э. Александр Македонский, все еще молодой и ребячливый царь и бог, устроил подобие олимпиады – всеобщее состязание в пьянстве. Тысячи солдат ринулись в эту борьбу до последнего глотка. Грандиозная попойка не обошлась без жертв: 41 человек погиб, захлебнувшись не в водах Нила или Инда, а в море вина или же замерзнув холодной ночью рядом с товарищами, мучимыми горячкой пьянства. Победителем стал некий Промах, сумевший выпить примерно 13 литров вина. Через три дня он умер.

Среди этого разгула страстей угас и самый близкий к Александру человек – его любимый полководец, его верный друг, женоподобный красавец Гепестион. Мучимый приступами лихорадки, он – вопреки указанию врача – выпил большой кувшин вина и к вечеру умер.

Без него царь Александр стал во всем завоеванном им мире абсолютно одинок. Весь день напролет он дежурил над бездыханным телом. Коротко остриг волосы, ничего не ел. Скорбь переросла в бешенство. Он утолил ее в дикой *«охоте на людей»* (Плутарх) – напал на горное племя коссеев и перебил всех способных носить оружие. Позднее Александр назвал это *«заупокойною жертвой в честь Гепестиона»*.

В январе 323 г. до н. э. Александр вновь вступил в Вавилон. Он был в самом мрачном настроении. Любая примета сулила ему несчастье. Каждая пролетевшая мимо птица предвещала смерть, всякое мимолетное облачко – тоже. Он

устал ждать худшего. Ему было ясно, что выхода из этого города для него нет.

Так и случилось. Александр, *«великий пропойца»* (Эфиоп), умер 10 июня 323 г. до н. э. Почти неделю его тело лежало во дворце, не источая дурного запаха, почтительно писали благонамеренные хронисты. Возможно, «нетленным» царя сделало беспробудное пьянство. Его труп был буквально проспиртован. Это замедлило тление.

Империя же, сколоченная Александром в его беспрестанных походах, не замедлила распасться. Его сподвижники повели между собой нескончаемые войны, разрывая страну на части, как псы – тушу громадного зверя.

Стремясь оставить добрую память о себе, Александр основал около 70 городов. Почти все они давно исчезли, а немногие уцелевшие – вроде египетской Александрии – уже много веков не принадлежат грекам.

Итог строительства «мировой империи», которое превратилось в «мировой пожар, поглотивший все Персидское царство, часть Индии и Балкан», точно подвел историк: «То, что Александр надеялся создать взамен уничтоженного, создано не было» (Шахермайр).

Ганнибал у ворот!

211 г. до н. э.

Финикийцы, народ торговцев и мореходов, издавна населяли побережье Сирии и Ливана. В VIII или IX в. до н. э., во время одной из своих экспедиций, они основали на тунисском побережье город Карфаген. На протяжении нескольких веков он развивался так же стремительно, как Рим, подчиняя себе вначале окрестные, а потом и отдаленные земли. Оба города, Карфаген и Рим, вели агрессивную внешнюю политику. Оба города должны были когда-нибудь столкнуться.

Первую Пуническую войну (264–241 гг. до н. э.) Карфаген проиграл римлянам. Прошло два десятилетия, и началась вторая Пуническая война (218–201 гг. до н. э.). Ее самовольно затеяли карфагенские войска, расквартированные в Иберии. Командование ими (и всю ответственность за исход войны) взял молодой военачальник Ганнибал (247–183 до н. э.), сын Гамилькара Барки, завоевавшего для карфагенян большую часть Пиренейского полуострова. Сегодня он считается одним из величайших полководцев Античности.

Ганнибал начал войну, несмотря на явное неравенство сил. В 220 г. до н. э. Рим при населении в 3,75 миллиона человек был в состоянии мобилизовать около 750 (древнегреческий историк Полибий) или даже 800 тысяч солдат (Тит

Ливий). В то время Рим во всех отношениях превосходил Карфаген. Рим располагал огромной, мощной армией, привыкшей к победам, сильным флотом и немалыми денежными средствами. После Первой Пунической войны серьезно изменилось геополитическое положение Италии. Теперь Сицилия и Сардиния защищали италийское побережье от нападений с моря; в то же время с территории этих островов можно было совершать вторжения в Африку – в Карфаген.

Ганнибал в битве при Каннах.

Гравюра XIX в.

Ганнибал понимал, что ему вряд ли удастся удержать

Иберию, если туда вторгнутся римляне. Свой единственный шанс он видел в том, чтобы перенести войну на римскую территорию. Если весь Апеннинский полуостров будет охвачен войной, то римские союзники – италики (народы, населяющие Италию) – могут отпасть от Рима.

Задумав это, Ганнибал повел войска по территории Галлии, через Альпы, на Рим. С собой он взял и африканское «чудо-оружие» – боевых слонов. Одним своим видом они должны были запугать римлян, которые никогда не видывали их.

Всего в армии Ганнибала было 50 тысяч солдат, 9 тысяч всадников и 37 слонов. Однако переход через Альпы оказался делом необычайно трудным. Слоны соскальзывали с обледеневших троп, падали в ущелья или в ужасе бросались на тех, кто сопровождал их, растаптывая проводников и солдат.

Тысячи людей погибли во время этого страшного перехода. Когда Ганнибал спустился в долину реки По, у него осталось лишь 34 тысячи солдат. Однако, даже уступая римлянам в численности, этот блистательный полководец сумел нанести им два неожиданных крупных поражения – при Требии (218 г. до н. э.) и у Тразименского озера (217 г. до н. э.).

Это удалось, в частности, благодаря «хорошо организованной сети лазутчиков и шпионов», налаженной Ганнибалом, пишет британский историк Найджел Багналл, автор книги «*The Punic Wars*» – «Пунические войны» (1990). Карфагеняне разузнавали расположение римских войск и неза-

метно нападали на них. Сражение у Тразименского озера, когда карфагеняне потеряли 2500 человек, а римляне – 15 тысяч убитыми и столько же пленными, отмечал советский историк К. А. Ревяко, «редкий в военной истории пример успешного нападения одной армии на другую из засады» («Пунические войны», 1988). Теодор Моммзен писал о *«всегдашней осведомленности»* Ганнибала, о *«шпионах, которые имелись в Риме и римской армии»*.

Эти победы привели к тому, что почти вся Северная Италия перешла на сторону Ганнибала. Римская республика мобилизовала последние резервы. Мобилизованы были даже преступники и рабы – около 8000 рабов защищало свободу республики. В 217 г. до н. э. римляне (впервые с 249 г. до н. э.) избрали диктатора-полководца. Им стал патриций Фабий Максим.

Однако Ганнибал теперь избегал новых крупных сражений. Осторожен был и Фабий Максим. За выбранную им тактику он вошел в историю с прозвищем Кунктатор (Медлитель). Он следовал за Ганнибалом, следил за его маневрами, не сближаясь с ним, но и не удаляясь, дабы тот не мог позабыть про римское войско, подведенное к нему, – подобно тому, как жертва ни на секунду не может забыть про нож убийцы, занесенный над нею.

Впрочем, римляне были недовольны медлительностью полководца и все настойчивее распускали слухи о его трусости. Даже вражеские солдаты стали презирать Медлителя,

который словно боялся с ними воевать. Лишь Ганнибал понимал: чем больше Фабий Максим медлит, тем больше выигрывает. Ведь то, в чем карфагеняне сильнее всего, — *«их оружие, — остается без употребления, то же, в чем они уступают неприятелю, — люди и казна, — тает и растрачивается впустую»* (Плутарх, «Фабий Максим», 5).

Однако в 216 г. до н. э. диктаторские полномочия Фабия Максима не были продлены. В Риме решили, что он затягивает войну, мешая войскам побеждать, и избрали, уже не боясь ничего, двух консулов. Вот тогда Ганнибал почувствовал, что римляне отвергли осторожность ради безрассудства, и не ошибся в этом. Они теперь рвались в бой — и они его получили.

Особенно старался консул Теренций Варрон, плебейский вождь, не имевший никакого военного опыта. Его *«неопытность и дерзкое безрассудство»*, подчеркивал Плутарх, *«поставили под угрозу судьбу всего государства»* («Фабий Максим», 14). Радуюсь своей скорой славе, Варрон собрал огромное, невиданное прежде войско и отправился побеждать. Он обещал, что разобьет карфагенян, едва лишь увидит их. Этот случай вскоре представился. Надменный консул и все его солдаты увидели одну и ту же страшную картину: перед ними возникли вражеские войны, наделенные нечеловеческой силой. Они только и делали, что убивали римлян. Мрачнее этой битвы Рим никогда не знал.

В тот день в августе 216 г. до н. э. Ганнибал нанес римля-

нам поражение при Каннах. В тот день из 80 тысяч римских солдат почти 70 тысяч были убиты, а оставшиеся пленены. При этом в распоряжении Ганнибала имелось не более 50 тысяч солдат. Карфагеняне потеряли из них всего 6000 человек. Тридцатилетний полководец добился небывалого успеха. Из руководства же римской армией спасся лишь Варрон. Горе-стратег с несколькими десятками всадников умчался с поля сражения. Битва при Каннах навечно вошла в учебники военного искусства; она вписана в них с красной строки – с кроваво-красной строки.

Рим был на грани катастрофы. Начальник пунической конницы Махарбал советовал Ганнибалу немедленно идти на Рим. *«Через пять дней ты будешь пировать на Капитолии»* – так передал его слова Тит Ливий (*«История Рима...»*, XXII, 51). Услышав отказ, Махарбал не выдержал и произнес памятную дерзкую фразу: *«Побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой не умеешь!»* Большинство офицеров, совещавшихся с Ганнибалом сразу после победы при Каннах, советовали вождю дать отдых уставшим солдатам. Он согласился.

Оправдывая его отказ идти на Рим, немецкий историк XIX века К. Нойман отмечал, что карфагенская пехота добралась бы до стен Рима лишь через полмесяца, а за это время римляне, узнав о разгроме, подготовились бы к осаде; конница же могла разорить окрестности города, но заставить Рим сдаться не сумела бы. *«В древности осада городов, а тем*

более штурм очень редко оканчивались успехом, – вторил ему Теодор Моммзен, – и нет никаких причин думать, что римляне обнаружили какое-то странное малодушие именно тогда, когда им пришлось бы защищать свою столицу».

Впоследствии историки много раз анализировали то памятное совещание, проведенное сразу после блестящей победы. Очевидно, «если у Ганнибала и была когда-нибудь реальная возможность добиться окончательной победы, – подводил итог дискуссиям И. Ш. Шифман, – то только сразу же после Канн и только прямым ударом на Рим» («Карфаген», 2006). Ганнибал был осторожен и, избежав в те дни случайной неудачи, потерял все – проиграл войну. Дальнейшая кампания – она растянулась на десять лет – превратилась в попытку «объять необъятное». Карфагенянам всегда не хватало и сил, и союзников. Только в те августовские дни 216 г. до н. э. бессилен был Рим. Все в Риме ждали скорой беды.

Сто лет назад армия Александра Македонского трижды – при Гранике, Иссе и Гавгамелах – сразилась с персидскими войсками и, трижды разбив их, сокрушила Персидское царство. Трижды Ганнибал разгромил армию римлян, но история не повторилась. В Риме не думали капитулировать. Правда, некоторые города Южной Италии все-таки перешли на его сторону. Но добиться открытия «второго фронта» против Рима не удалось. Вся Центральная Италия осталась верна Риму. Расчеты Ганнибала не оправдались.

Римляне же вновь обратились к тактике, предложенной Фабием Максимом. Полем их битвы стало время. Римляне его выигрывали, а карфагеняне бесполезно теряли, растрачивая вместе с ним свои возможности и ресурсы. Теперь уже большинство жителей Римской республики, увидев, как страшны карфагеняне в открытом бою, готовы были медлить и ждать вместе с Кунктатором столько, сколько придется, пока захватчики не растеряют впустую силы. Поторапливали же они это время мелкими стычками, в которые ввязывались, чтобы разбить то один небольшой отряд карфагенян, то другой из тех, что заготавливали продовольствие.

В этих схватках с Ганнибалом Фабий Максим показал себя *«отличным борцом и легко разрушал его замыслы, словно вырываясь из обхватов, уже не отличавшихся, однако, прежнею силой»* («Фабий Максим», 23). Постепенно бывшая решимость карфагенян пропала. Часть их после битвы при Каннах считала, что выиграла войну, и предавалась отдыху и развлечениям, а потому *«обессилела под влиянием роскоши и богатства»*, и даже те, кто был равнодушен к порокам, все равно устали от безделья, не имея возможности вновь почувствовать сладость убийства в бою.

Когда же силы римлян окрепли, воскресла и их всегдашняя дерзость. Теперь им было не по пути с Медлителем, пришло время великих деяний. Прорвал час юного Публия Корнелия Сципиона.

Он был вождем уже второго поколения римлян, продол-

жавшего эту страшную войну с Ганнибалом. Его отец и дядя пали в сражениях с ним. И вот в 211 г. до н. э. Сенат назначил Сципиона, которому, как писал Тит Ливий, едва минуло 24 года, командующим армией, находившейся в Испании.

Пока страшная голова карфагенского чудовища (армия Ганнибала) все еще силилась проглотить Римскую республику, армия Сципиона, зайдя врагу в тыл, методично кромсала его тулово. Публий Корнелий, несмотря на молодость, выигрывал одно сражение за другим.

Чудовище чахло. Даже отпавшие от Рима области Южной Италии не хотели питать его – не оказывали почти никакой военной поддержки Ганнибалу. Ему оставалось лишь ждать помощи из родного «логова» – Карфагена, но и там медлили с ней, больше боясь того, что Ганнибал в случае победы усилит свое влияние в Карфагене и станет его единовластным правителем, чем того, что он проиграет и римляне нападут на африканские владения карфагенян. Власти города не верили в это и хладнокровно предавали своего лучшего полководца, обрекая его на поражения и смерть.

Современные историки, изучая дошедшие до нас разрозненные свидетельства и археологические находки, убеждаются, что Ганнибал проиграл Вторую Пуническую войну прежде всего из-за плохого снабжения его войск. Логистика победила стратегию.

Не дождался Ганнибал и восстания италиков. Сказалось «тесное этническое и культурное родство италиков с

Римом», пишет немецкий историк Вольфганг Блэзел, автор книги *«Die Römische Republik»* – «Римская республика» (2015).

Все дело в том, что Рим покорил Италию, но не поработил ее, не превратил население покоренных территорий в рабов. Жители италийских областей во многом сохранили свои привилегии и порядки. Их элиты, как правило, не пострадали от присоединения к Риму. Поэтому войсковые части, созданные из италиков, оставались верными союзниками римлян, сколько бы Ганнибал ни клялся, что дарует им свободу. Даже чудовищу, убившему многие десятки тысяч римлян, было не по силам разорвать эти узы, связавшие Рим и италиков.

Поэтому военное превосходство римлян над карфагенянами, несмотря на отдельные поражения, было по-прежнему очень велико. Это касалось и «численности солдат, и размеров флота, и вообще экономических ресурсов», отмечает Блэзел. По его оценке, римляне все еще могли собрать тогда армию в 600 тысяч человек.

Наконец, видя, что действительность перечеркнула его планы, Ганнибал решился на отчаянный поступок. В 211 г. до н. э., через пять лет после битвы, вроде бы решившей исход войны, он повел войска на Рим. Вот тогда-то и прозвучал отчаянный клич *«Hannibal ad portas!»* – **«Ганнибал у ворот!»**.

Но теперь римлянам, получившим пятилетнюю передыш-

ку от «Главного Медлителя» этой войны, Ганнибала Суперкунктатора, был уже не страшен этот марш-бросок карфагенян. Взять хорошо укрепленный город штурмом они не могли, а к долгой осаде не были готовы. Если бы армия Ганнибала попыталась взять Рим измором, то, вероятнее всего, сами карфагеняне вскоре стали бы изнывать от голода, как и галлы во главе с Бренном почти за два века до них. Кроме того, Ганнибал опасался, что, если он примется осаждать Рим, не покорившиеся ему италики рано или поздно нападут на карфагенян с тыла, и тогда те окажутся «между молотом и наковальней».

Ганнибал предложил римлянам переговорить о мире. Однако Сенат отказался от любой сделки с захватчиками, хотя над Римом по-прежнему нависала смертельная опасность. Римляне были согласны лишь на то, чтобы продолжать войну до победного конца. У них, как мало у кого в мировой истории, было развито чувство патриотизма. Никто из них не мог и помыслить о постыдном мире, о бесславной капитуляции перед врагом. Их тогдашняя решимость, их готовность пойти на любые лишения стали залогом будущей мощи Рима. Эта невероятная римская воля со временем превратилась во власть – власть над всем миром.

В том же 211 г. до н. э. римляне отвоевали лежавший к югу от столицы город Капую, ранее захваченный карфагенянами. (К слову, Ганнибал и затеял свой поход на Рим, чтобы заставить римлян отвести войска от Капуи.)

Как быстро повернулось колесо Фортуны! Теперь уже не победа Ганнибала казалась неминуемой, а его поражение – необратимым.

Через два года карфагенянам был нанесен сильнейший удар в Испании. Римские войска при поддержке флота захватили Новый Карфаген. Прошло еще три года, и почти весь Пиренейский полуостров перешел под власть Сципиона. Остатки карфагенской армии переправились в Италию.

К тому времени положение Ганнибала выглядело безнадежным. Всего десять лет назад, после сказочной победы при Каннах, он был уверен, что вот-вот окружит Рим, что римлянам не вырваться из его цепкой хватки. Но теперь он сам был окружен и уже не знал, как бежать из ненавистой Италии. Союзники Ганнибала тоже прекрасно понимали, к чему клонится дело. Самый важный из них, нумидийский царь Массинисса, обошелся с Ганнибалом как с человеком обреченным: без раздумий предал его.

Нумидийцы составляли основу кавалерии Ганнибала. Лишившись их, он был обречен на поражение. Сознавая, что дальнейшая война на Апеннинском полуострове невозможна, Ганнибал в 203 г. до н. э. с остатками армии вернулся в Африку.

Не оценив римского менталитета, писал немецкий историк Якоб Зайберт, автор книги «*Hannibal*» (1993), Ганнибал не понял, что его противник «обладал огромной выдержкой и не собирался капитулировать».

Когда же карфагенянин бежал на родину, словно гонимый зверь, в погоню за ним устремились обидчики – римляне.

В октябре 202 г. до н. э. в пяти днях пути от Карфагена, близ города Зама, состоялась решающая битва. Ганнибал проиграл. Некогда стоявший у ворот Рима полководец теперь уже не мог защитить родную столицу.

По словам Аппиана, на поле боя остались 20 тысяч карфагенян (Полибий говорил о 10 тысячах погибших), и не меньше 15 тысяч попали в плен. Римляне потеряли полторы тысячи человек убитыми (впрочем, историки считают эту цифру преуменьшенной).

По условиям мирного договора карфагеняне должны были уничтожить почти весь флот. В одной лишь гавани Карфагена были сожжены сотни кораблей. Кроме того, Карфаген потерял все свои владения за пределами Северной Африки. Его властям пришлось признать независимость Нумидии, царем которой стал коварный изменник Массинисса. Им запрещалось вести войны без разрешения римлян. Следовало также выплатить Риму огромную контрибуцию в размере 10 тысяч талантов. Чтобы изыскать для этого средства, карфагенянам пришлось брать у римлян грабительские кредиты.

Карфаген утратил статус крупнейшей державы Средиземноморья. Рим, полтора десятилетия назад находившийся на грани разгрома, отныне – на многие века вперед – стал властвовать в западной части Средиземного моря.

По окончании войны Ганнибал попытался реформировать систему власти в Карфагене, но его враги, олигархи, сплотились и осудили строптивого полководца за проигранную войну, в которой он одержал ряд блестящих побед и потерпел одно-единственное поражение.

В 195 г. до н. э. Ганнибал, обвиненный в подготовке новой войны с Римом, вынужден был отправиться в изгнание. Преследуемый римлянами, как герои древних мифов – фуриями, он переезжал из страны в страну и обосновался, наконец, в Вифинии – государстве, лежавшем на северо-западе Малой Азии.

Однако месть римлян нашла его и здесь. Царь Вифинии согласился выдать властям Римской республики этого бесправного старика, когда-то лучшего полководца мира. Ганнибала ждали позор и расправа. Устав скрываться от римских ищеек, он выбрал смерть – принял яд. Ему было 65 лет.

Смерть заклятого врага не успокоила римлян. Им мало было победить Карфаген – им надо было стереть его с лица земли.

Дни великого города были сочтены. Пусть Карфаген стал марионеткой в руках римлян, пусть его олигархи выглядели преданными союзниками и безропотными слугами римлян, тем было этого мало. Им хотелось сломать эту куклу, эту ненавистную игрушку, перехваченную ими, уничтожить добровольных слуг – когда-то злейших врагов.

Для огня ненависти, как знает каждый, хорош любой по-

вод. Пока существовал Карфаген, война с ним была неизбежна для римлян. Чем был теперь виноват этот великий город с несчастливой судьбой? Ничем. Все совершалось по басенному присловью, в духе того «черного юмора», которым так мастерски владел «дедушка Крылов»: *«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»*.

Предлогом для новой войны, начавшейся в 149 г. до н. э., стали робкие попытки карфагенян защититься от набегов воинственных нумидийцев. Жизнь множества карфагенян была варварски, самым жестоким образом отнята потому, что они лишь пытались защитить свое право на жизнь.

В 147 г. до н. э. у ворот Карфагена (*ad portas Carthago*) расположились несколько десятков тысяч римских солдат под командованием Сципиона Младшего.

В апреле 146 г. до н. э. великий город пал. Что не сладилося у Ганнибала, удалось Сципиону. Что не свершилось в Риме, сбылось в Карфагене. Правнуки римских горожан, смотревших со стен города на *Hannibal ad portas*, теперь весело, с неизбежным хохотком победителей, смотрели на то, как из-за стен разрушенного города выходили мужчины, женщины, дети – всего 50 тысяч человек (по словам Страбона, в Карфагене проживали 700 тысяч человек). Все пленники были проданы в рабство. Сам Карфаген был уничтожен. Что так страстно хотел Ганнибал, подходя в 211 г. до н. э. к стенам Рима, все-таки сбылось!

Вот только боги были глухи, и судьба, вымоленная Риму,

сбылась на стогнах Карфагена. А в остальном все верно судили-рядили эти жестокие языческие боги!

Мы же, далекие от них, вынуждены по крупицам восстанавливать историю Карфагена. Все дело в том, что для римлян все войны, которые вел Рим, были справедливыми, а все их противники – включая карфагенян, наследников многовековой культуры Древнего Востока, – являлись варварами. О варварах же римляне – вплоть до Тацита, певца германцев, – предпочитали не говорить ничего или рассказывать только плохое, ужасное. Благодаря этой «ложноимперской» традиции римлян, растиражированной в XIX веке прекрасным рассказчиком Флобером, мы хорошо помним, что карфагеняне приносили своих детей в жертву Молоху, – и почти ничего не можем сказать об одном из крупнейших полководцев Второй Пунической войны – Махарбале.

Мы вообще не очень много знаем о Карфагене, о его культурной жизни и политической истории на протяжении нескольких веков (вплоть до начала Пунических войн). Мы плохо знаем и повседневную жизнь Карфагена в период его расцвета, ведь историю пишут победители, а победители-римляне дважды не пощадили Карфаген. Они разрушили город и уничтожили память о нем. Погибли практически все литературные произведения, созданные в Карфагене. Поэтому мы знаем об этом великом городе-государстве лишь то – неприязненное, презрительное, – что соизволили сказать о нем победители, натерпевшиеся страха, пока у их ворот гор-

до стоял Ганнибал.

Карфаген должен быть разрушен!

150 г. до н. э.

Произнесенные им слова помощница-память пронесла сквозь тысячелетия. «Воздавать каждому свое», «война сама себя кормит» и, конечно, самая известная его фраза: «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*» – «А кроме того я полагаю, что **Карфаген должен быть разрушен**». Это убийственное речение сделало его бессмертным – и погубило огромный город!

Марк Порций Катон (234–149 гг. до н. э.)... Его привычно называют «римлянином старого закала». Его парадный портрет мог бы украсить любую «Доску почета античных героев». Традиционно считается, что он жил, как и подобало древнему римлянину: жил, как крестьянин. Скромная пища, незатейливая одежда, простой, без украшений, дом – к этому он стремился всегда. Но был ли он подлинно таким? Или образ его приукрашен? Но что скрывается тогда за поздней ретушью?

По мнению немецкого историка Мартина Йене, автора работы «*Cato und die Bewahrung der traditionellen Res publica*» – «Катон и сохранение традиционной *Res publica*» (1999), Катон – это «самопровозглашенный эталон римлянина». На это обратил внимание еще «августейший историк» Тит Ливий,

сказавший, что Катон, *«муж благочестивый и беспорочный»* («История Рима...», XXXII, 27, 3), *«отнюдь не имел привычки умалять свои подвиги»* (XXXIV, 15, 9), а значит, читая о его доблестях, надо иметь в виду, что он был *«сколь грозен, а иной раз свиреп»* (XXXIV, 5, 6), обвиняя других, столь же медоточив, восхваляя себя. Старый добрый Плутарх мягко, но безжалостно пишет, что Катон, *«вероятно, никогда не скупился на похвалы самому себе и отнюдь не избегал прямого хвастовства, считая его спутником великих деяний»* («Марк Катон», 14).

Так он был попросту фанфарон или, как сказали бы сегодня, «мастер самопиара»?

Несколько фактов его биографии точно известны. Катон родился в 234 г. до н. э. в семье богатого землевладельца. Принадлежал к сословию всадников, а вовсе не патрициев. Иначе говоря, относился не к родовитой, а к денежной знати, обязанной нести службу в римской коннице. Очевидно, многие его современники из аристократических фамилий в глубине души относились к нему как к выскочке, *homo novus* («новому человеку»), ведь до Катона никто из его рода не заседал в Сенате. С него в анналы истории входит род Катонов. Впоследствии его самого так и будут называть: «Катон Старший».

*Разрушение Карфагена римлянами.
Гравюра XIX в.*

«Марк Порций Катон – один из первых римлян, которых мы и впрямь можем воспринимать как личность», – отмечал немецкий историк Ханс-Иоахим Герке, автор очерка *«Marcus Porcius Cato Censorius – ein Bild von einem Römer»* – «Марк Порций Катон Цензор – портрет одного римлянина» (2000). Рассказывая о нем, мы можем полагаться не только на приукрашенные предания и легенды, но и на его собственные признания, ведь он еще и первый прозаик Рима.

Марк Порций родился в Тускуле, в том идилическом сельском городке, расположенном среди холмов, где почти

двумя веками позже жил Цицерон, посвятивший знаменитому земляку книгу «Катон Старший, или О старости».

Впрочем, красноречие Цицерона порой презирало факты, а потому историки, воссоздавая подлинный образ Катона, предпочитают опираться на его беллетризованную биографию, написанную Плутархом около 75 г. н. э. для «Сравнительных жизнеописаний». Примечательно, что в этой биографии Плутарх поначалу именуется своего героя Порцием Приском – и лишь *«впоследствии за остроту ума он получил прозвище Катона»* («Марк Катон», 1), что означает «многоопытный».

С юных лет он добивался успеха лишь там, где и подобало достигать этого римлянину. В 17 лет он отправился на фронт Второй Пунической войны, где служил под началом Фабия Максима, выстоявшего перед Ганнибалом. В мирной жизни ему покровительствовал сенатор Луций Валерий Флакк, *«один из самых знатных и могущественных среди римлян, обладавший удивительной способностью распознавать зарождающуюся доблесть, воспитывать ее и выводить на путь славы»* («Марк Катон», 3). Вместе с ним Катон становится консулом в 195 г. до н. э., а 11 лет спустя оба они избираются цензорами на пятилетний срок (лица, занимавшие эту должность, проводили ценз, то есть опись имущества, и надзирали за поведением граждан).

Должность цензора, пользовавшаяся в Риме большим почетом, была словно создана для него. Анонимный автор эпи-

граммы, посвященной Катону, подчеркивая его желчный характер, саркастично заметил, что такого человека Персефона (богиня подземного царства мертвых) даже не пустила бы в свои владения – уж слишком он вреден.

Порций был злым, синеглазым и рыжим; ему
Персефой
Даже по смерти его доступ в Аид запрещен.

«Марк Катон», 1

Поклонник седой старины, простых, грубых нравов далекого прошлого, Катон, став цензором, принялся в одиночку воевать чуть ли не со всей римской знатью. Всюду он усматривал пороки, везде отыскивал роскошь. С его воцарением в должности, казалось, Персефона изгнала из Аида самого страшного демона. Он не считался ни с чьими желаниями и прихотями, не слышал ничьих упреков и порицаний. Он методично разрушал. Этот рыжеволосый «арбитр морали» бросался, как на вражеский строй, на самых почтенных римлян и уничтожал их репутации, а также их уютно обустроенные семейные мирки. С одинаковым презрением он изгонял сенаторов из Сената (всего он лишил должности семерых), перекрывал желоба, по которым из общественного водопровода воду подавали в частные сады, набрасывался на роскошь – одежду, повозки, женские украшения и домашнюю утварь, налагая на все эти вещи непомерные подати. Как писал Плутарх, «он был ненавистен как тем, кому из-за роскоши при-

ходилось терпеть тяжелые подати, так равно и тем, кто из-за тяжелых податей отказался от роскоши» («Марк Катон», 18). Почти полсотни судебных процессов враги возбудили против него, и все их выиграл Катон. Поистине от такого демона следовало охранять Аид, раз не удалось уберечь от него Рим.

Катон отстаивал староримские ценности: храбрость без раздумий, усердие без принуждений, простоту без прикрас, помощь без мзды, еду без излишеств. Одежда его всегда была дешева, а пища скромна; ни один его деревенский дом не был оштукатурен, сообщал Плутарх. *«Лишнее всегда дорого, и что если за вещь, которая не нужна, просят хотя бы один асс* (мелкая римская монета. – А. В.), *то и это слишком большая цена*» («Марк Катон», 4), – с некоторым занудством любил повторять этот «слишком правильный римлянин» Катон.

Быть может, дай волю Катону Цензору, он, борясь с пороками, разрушил бы весь Рим, Но на счастье одним, на горе другим он нашел себе город, который – за его порочность, за вечную враждебность Риму – он особенно хотел уничтожить. Этот город – Карфаген. Мы еще взглянем на него недобрый глазком цензора.

Пока же Катон в Риме сражался со всем, чуждым Риму, рассылая во все стороны стрелы своих обличений. Чаще всего он целился в греков и тех же карфагенян. Греческую литературу он знал и в глубине души, пожалуй, уважал, а вот самих греков – нет, считая их изнеженным, презренным наро-

дом. Он говорил, что *«римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество»*. Ведь греки, уверен он, могут научить римскую молодежь лишь лени, неге, разврату; они только говорят, но ничего не делают, только спорят, но не действуют. Со всей строгостью старого римлянина Катон преследовал греческую греховность, проникшую в Рим, и вытаптывал любые ростки греческой учености, пробивавшиеся сквозь унылый римский бетон.

В запальчивости он и самого славного среди греческих мудрецов, Сократа, готов был назвать *«пустомелей и властолюбцем»*, растлителем нравов. Слово Катон подкреплял делом — тем более что эллинистическая культура становилась все популярнее в Риме. Когда в 155 г. до н. э. в Рим прибыла депутация афинских философов, он добился, чтобы их отослали прочь. Его страшило, что к ним потянулись самые образованные молодые люди и что эти юноши заслушивались речами афинян.

Может быть, в этой неприязни к грекам была и своего рода литературная вражда? Ему, первому крупному прозаику Рима, писавшему на народном латинском языке, обидно было видеть, что образованные люди равнодушны к его трудам, зато благоговеют перед всем «иностраннным» и сами пытаются писать прозу только на чужом языке. (Так две тысячи лет спустя такой же неистовый, как Катон, Ломоносов ссорился с немецкими профессорами, торя дорогу всему русскому.) Катон *«хотел учиться у греков практическим прие-*

мам, но без идейных компромиссов: “прочитывать, но не зазубривать” их сочинения», – написал о нем советский филолог М. Л. Гаспаров («История всемирной литературы». Т. 1. 1983).

Сам он изложил историю Рима от его основания до Второй Пунической войны на понятном всем языке, а вовсе не по-гречески, как делали до него (эта книга называлась «Начала»). Уже стариком он продолжал обрабатывать свои судебные и сенатские речи, добиваясь их особой выразительности и используя различные приемы ораторского искусства (не его вина в том, что впоследствии эти образцы ранней римской риторики, за исключением отдельных фрагментов, были утрачены). Погибли и почти все другие его книги, в том числе сочинения о праве, о врачевании, о военном и ораторском искусстве. Полностью сохранилось лишь одно его произведение – трактат «О земледелии», ставший бестселлером в древности. Сегодня эта книга считается ценным источником по аграрной истории Рима. Катон ведь был настоящим земледельцем «от сохи». Или землевладельцем?

Современные историки, рассматривая парадный портрет Катона, так и норовят взглянуть на его обратную сторону, чтобы увидеть совсем другое. Якобы скромный, непритязательный хозяин земельного надела, он был, по правде говоря, крупным дельцом, купчиной. Тот же Плутарх, насмешливый греческий мудрец, безжалостно ведет счет плутням Катона. Этот «старый римлянин» со временем *«пришел к мыс-*

ли, что земледелие – скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобретал водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства валяльной мастерской, плодородные земли с пастбищами и лесами [...], и все это приносило ему много денег... Занимался он и ростовщицеством, и вдобавок самым гнусным его видом» («Марк Катон», 21).

Ростовщик и делец в своей частной жизни, Катон неустанно взывал к примерам из прошлого, к доблестям предков, к их скромности и сдержанности, строгости и бережливости, порядочности и религиозности. Речь шла, разумеется, не о подлинном, а об идеализированном облике «старых римлян». Катон, как и его последователи, резко относясь к тем или иным модным поветриям (скажем, к стремлению выставлять напоказ роскошь или увлечению греческими обычаями и культурой), непременно приписывал пращурам противоположные качества (например, не подвергалось сомнению, что праотцы не любили роскошь и на дух не переносили греков).

Эта двойственность или, говоря жестче, фальшь пронизывала всю римскую жизнь во II в. до н. э. точно так же, как фальшь пронизывала всю советскую жизнь во II десятилетии до распада СССР (а современные историки все чаще проводят параллели между Римской державой и Советским Союзом). На словах все почитали (или старались почитать)

доблести предков, и надпись на статуе, воздвигнутой в честь Катона еще при его жизни, говорила об этом: «*За то, что, став цензором, он здоровыми советами, разумными наставлениями и поучениями снова вывел на правильный путь уже клонившееся к упадку Римское государство*» («Марк Катон», 19). На деле же все следовали одному девизу: «Обогащайтесь!» – и сам обличитель Катон поспешал в первых рядах, скупая леса и луга и давая в рост деньги.

Фальшь процветала, и все слабели устои римской жизни. С уходом таких фигур, как Катон Цензор, Рим неспешно, как то бывало в старину, подвигался навстречу эпохе нескончаемых гражданских войн. Уже его внук, Катон Младший, станет героем одной из них и будет причастен к убийству диктатора – Цезаря. Эти внутренние войны в конце концов разрушили Старый Рим, как войны внешние разрушили Карфаген.

Но нам, как и нашему герою, пора побывать *ad portas Carthago*.

В 153 г. до н. э., уже занеся ногу, чтобы шагнуть в Аид, старик Катон воочию увидел Карфаген. Вместе с другими римскими послами он прибыл для того, чтобы примирить Карфаген и соседнюю Нумидию. Однако, говоря современным языком, эти послы были не миротворцами, а военными наблюдателями. Не африканские распри беспокоили их. Втайне от карфагенян, пригласивших их, они вынесли свой неожиданный приговор, ведь увиденное привело Катона в

бешенство.

Карфаген вновь стал опасным конкурентом для римлян. Лишенный возможности развивать морскую торговлю, он развернул сухопутную торговлю в большом стиле. Каждый год сюда с юга прибывали караваны кочевников, привозя шерсть или финики, чтобы обменять их на местные товары. Карфагенские купцы тоже снаряжали караваны, чтобы отправиться на восток – в Египет или Судан. Они обменивали привезенные ткани, украшения и изделия из металла на соль и финики, покупали золото и драгоценные камни, слоновую кость и рабов.

Вернувшись в Рим, послы признались, что *«не столько зависть, сколько страх вызывает у них положение Карфагена, города враждебного и столь значительного, соседнего и так быстро растущего»* (Аппиан, «Римская история», кн. VIII, X, 69).

Особенно резко возмущался Катон. Когда-то он отправился на военную службу в самый тяжелый момент римской истории, когда фактически «у ворот» Рима стояли войска непобедимого Ганнибала. Иными словами, он отправился на войну, когда легче легкого было погибнуть, как многие десятки тысяч других молодых римлян до него. Только что вся римская армия была перебита при Каннах, как стадо бычков на бойне.

Катон выжил. Дождался победы. И, похоже, что всю оставшуюся жизнь прожил в ожидании того, что прерванная

миром война возобновится. Карфаген соберется с силами и нанесет ответный удар.

И в старости, когда с отчетливостью вещего сна видишь молодость, Катон принялся учить молодых римлян тому, что надо немедленно – первыми! – напасть на Карфаген, прежде чем новая армия двинется оттуда на Рим. Опыт двух страшных войн, пережитых Римом, подсказывал ему, что спастись от очередной затяжной войны, от подрыва могущества Рима и, может быть, его разрушения можно, только начав превентивную войну. *«Даже когда Рим уже достиг мирового господства, он не мог считать себя в безопасности до тех пор, пока оставалось имя Карфагена и существовал сам город»* («Римская история», кн. I, XII), – писал впоследствии римский историк Гай Веллей Патеркул (I в.).

Катон понимал это лучше других. А потому всякий раз теперь, когда ему давали слово на заседании Сената, он, как писал два с лишним века спустя Плутарх, завершал свое выступление грозным присловьем: **«Карфаген должен быть разрушен!»** В конце концов Сенат согласился с ним.

История эта похожа на правду, она целиком «в духе Катона». Вот только нет других – документальных – свидетельств того, что все было так и что Катон с упрямством безумца настаивал на разрушении Карфагена.

Как бы то ни было, молодое поколение римских политиков повиновалось Катону Цензору. Он успел увидеть, что его словам вняли. Он умер в начале Третьей Пунической вой-

ны (149–146 гг. до н. э.). Карфаген был разрушен. Сделал это, кстати, один из главных недругов Катона, которого он неустанно обличал за любовь к роскоши и подражание греческим нравам, – Сципион Младший.

Жребий брошен!

49 г. до н. э.

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел.

Памятные пушкинские строки как нельзя лучше подходят к этому рассказу. Он стоял на берегу пустынной реки, которая тихо несла свои воды. Его будущее было темно и никак не отражалось в светлых водах потока. Он еще не знал, что ему суждено стать одним из самых великих правителей в мировой истории, фактически основателем громадной империи. Он стоял на берегу Рубикона и понимал, что начинает гражданскую войну, и призрак власти, который так манит его, может ускользнуть из его руки так же легко, как тень.

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) затевал бунт. Грозный Рим был готов объявить его вне закона.

Эта небольшая речушка – Рубикон – служила границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская («Предальпийская») Галлия (сегодня – Верхняя Италия). Цезарь подъехал сюда в повозке. На берегу он приказал остановиться. Лошади принялись пить воду. Свежий морозный

воздух бодрил мятежника, разгонял его мрачные мысли. Он лучше всех своих солдат понимал, к каким страшным последствиям приведут те несколько шагов, которые он готовился сделать. Он бросал вызов непобедимой Римской республике, с которой не могли справиться ни великий Ганнибал, ни цари и полководцы многих сильных государств, раздавленных, перемолотых могучей государственной машиной Рима. Он, слабый, немолодой человек, пытался теперь совладать с этой машиной, взять ее под свой контроль, что до сих пор удалось сделать лишь одному Сулле, который в 82 г. до н. э. прибыл в Рим, уничтожил своих политических противников и провозгласил себя неограниченным и пожизненным диктатором. Теперь такой же *Coup d'etat* (государственный переворот) готовился совершить Цезарь. Он вел за собой армию, которая поддержала его бунт.

Наконец Цезарь решился. Как сообщает римский историк Светоний, он сказал: «*Alea jacta est!*» – «**Жребий брошен!**» («Жизнь двенадцати цезарей»: «Божественный Юлий», 32). По нескольким деревянным мостам, перекинутым через Рубикон, потянулись его солдаты. На Рим!

Мы не последуем пока за ними, а прислушаемся к неумолкающему и поныне отзвуку Цезаревых слов. Грек Плутарх заставил их прозвучать по-гречески. Цезарь ввязывается в войну с собственным правительством, «громко сказав по-гречески окружающим: «Пусть будет брошен жребий»» («Цезарь», 32). Он ведет на Рим солдат так, как это сделал

бы командир греческого отряда наемников (а на протяжении нескольких веков Эллада славилась своими воинами, сбывая их отряды во все страны Средиземноморья).

*Войска Цезаря пересекают Рубикон.
Гравюра XIX в.*

Комментаторы давно уточнили, что эта фраза — *ἀνερείφθω κύβος* — цитата из знаменитого греческого драматурга IV в. до н. э. Менандра. Дословно она переводится как «подбросим игральные кости». В латинском переводе

де еще не совершённое действие превратилось в нечто непоправимое, то, что уже совершено: **«Жребий брошен!»**

Такой перевод, разумеется, неточен. Начиная поход на Рим, Цезарь лишь «бросал жребий», и можно было только гадать (как гаруспик по внутренностям птиц), что принесут упавшие наземь игральные кости: жизнь или смерть. Судьба Цезаря еще не была предрешена. Она творилась у него на глазах и при его деятельном участии. Он вправе был делать все возможное, чтобы склонить на свою сторону удачу.

«Любой честолюбивый политик должен быть в глубине души заговорщиком», – признается британский историк Том Холланд, автор книги *«Rubicon. The triumph and tragedy of the Roman Republic»* – «Рубикон. Триумф и трагедия Великой республики» (2003).

Так что за игру затевал Цезарь в ту ночь на берегу Рубикона, бросая жребий и ставя на кон свою жизнь и честь?

Происходивший из родовитой римской семьи, он после 30 лет погрузился в гражданские заботы Рима, в корыстное соперничество честолюбий.

Со временем все ступени политической карьеры стали знакомы ему не понаслышке. Все должности, которые он мог заполучить в Римской республике, рано или поздно доставались ему. Он исполнял, управлял, командовал. Он стал необыкновенным знатоком государственной машины, и, какую бы часть ее ни вверяли в его ведение, он блестяще справлялся.

Но вот наконец настал тот день, когда он решил, что вся эта машина – все государство! – должна безраздельно принадлежать ему и только ему. Навсегда!

Так, уверенно взбираясь по политической лестнице, а потом, когда испытанные ступени кончились, бросая с за- таенной тревогой жребий и совершая головокружительные прыжки (вновь и вновь перелетая через Рубикон), Цезарь в конце концов достиг немыслимой прежде вершины – стал пожизненным диктатором и пробыл им весь отпущенный ему месяц жизни. Но о трагической кончине Цезаря мы еще поговорим, а сейчас лишь быстро пройдем по его следам, совершая вслед за ним восхождение на вершину Мировой империи – к браздам правления Римом.

Его карьера началась с того, что в 68 г. до н. э. он стал квестором провинции Дальняя Испания (*Hispania Ulterior*), то бишь принялся вести ее финансовые дела. Возвратившись в Рим три года спустя, был избран одним из эдилов, добившись должности, на которую не имел права претендовать по возрастному цензу (ему было 35, а эдилом мог быть лишь человек не моложе 37 лет), при помощи самого неотразимого оружия в позднем республиканском Риме – денег (уровень коррупции в этом образчике античной демократии был очень высок). *«Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену»* (Плутарх, «Цезарь», 5), Цезарь знал, что траты

окупятся сторицей.

Ведь должность эдила, своего рода «министра культуры» Рима, позволяла легко завоевать популярность среди народа – следовало лишь «трясти собственной мошной, пытаясь превзойти своих предшественников блеском и пышностью зрелищ» (Э. В. Геворкян. «Цезарь». М.: Вече, 2011). Эдил распоряжался зрелищами – тем, без чего плебс не может жить, как без хлеба. Став эдилом, Цезарь принялся устраивать бои гладиаторов. Вскоре его популярность была уже так велика, что славу ему приносили даже чужие заслуги. Светоний пишет: *«Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному»* («Божественный Юлий», 10).

В 63 г. до н. э. он удостоился должности, которая впоследствии в памяти людей накрепко свяжется с римскими первосвященниками (папами). Он стал *Pontifex Maximus*, великим понтификом (дословно «великим строителем мостов»). Впрочем, уже тогда эта должность подразумевала не то, что говорила своим именем. Цезарь не занимался наведением мостов – он, как и римский папа, возглавлял коллегию священников (в его случае – языческих жрецов).

В своем восхождении к вершинам политической власти Цезарь рано обзавелся «могучим движителем». Его стал поддерживать один из самых богатых людей Рима – Марк Лициний Красс, сам обуреваемый честолюбивыми надежда-

ми. Сам (уточним мы, помня о том, что произойдет) стремившийся стать «римским цезарем» прежде Гая Юлия Цезаря.

Последнего в то время деньги манили больше, чем власть. Изнемогая под бременем долгов, Цезарь отбыл в 61 г. до н. э. в провинцию Дальняя Испания, став ее пропретором (наместником). В демократическом Риме эта должность давала простор для неприкрытого обогащения.

Быстро поправив свое финансовое состояние и в основном рассчитавшись с кредиторами, Цезарь вернулся в Рим в следующем году и заключил тайный союз с Крассом и знаменитым полководцем Помпеем. Участники этого тройственного союза, этого триумvirата («сердечного согласия» по-римски) обещали друг другу всяческую помощь в достижении своих политических целей, *«договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих»* («Божественный Юлий», 19, 2). Скрепляя устные договоренности кровными узами, Цезарь даже выдал за Помпея свою дочь Юлию.

С согласия новых друзей в 59 г. до н. э. Цезарь занял высший пост в республиканском Риме – стал консулом, своего рода президентом Римской державы. Вот только, по традиции, обязанности консула любой политик исполнял всего один год, причем деля их со своим соратником-соперником, ведь каждый год в Риме выбирали сразу двух новых консулов.

К тому же римский парламент – Сенат – не доверял Цезарю-консулу, блокируя его предложения. В ответ Цезарь шел на прямое нарушение римских законов, ведь, пока он был консулом, он был лицом неприкосновенным. Но что его ждало по окончании консульских полномочий? Цезарь готов был удалиться из Рима.

Впрочем, так делали многие консулы. Как правило, отойдя от дел, они отбывали в провинцию, где исполняли обязанности проконсула. Так поступил и Цезарь. Однако стараниями своих влиятельных друзей он получил в управление не одну, а сразу три провинции – Иллирию, Цизальпинскую Галлию, а чуть позже и Трансальпинскую Галлию (впоследствии – Нарбоннская Галлия, расположенная на территории Южной Франции).

Последняя провинция стала для честолюбивого Цезаря плацдармом, откуда он повел наступление на остальную, еще не завоеванную часть Галлии – территории современных Франции и Бельгии, в конце концов захватив их после так называемой Галльской войны, о которой он оставил памятные многим поколениям потомков «Записки», подробно рассказав о том, как он *veni, vidi, vici* – «*пришел, увидел, победил*» (эту лаконичную фразу он произнесет, правда, десятилетием позже и по другому поводу).

Затевая эту войну, заметно расширившую владения Римской республики, Цезарь действовал на свой страх и риск, попирая римское право. По иронии судьбы, он сам, будучи

консулом, принял закон о вымогательстве и взяточничестве наместников («*lex Iulia repetundarum*»), который, в частности, запрещал им самовольно, без соизволения Сената, распоряжаться войсками. Поэтому по возвращении в Рим победоносного полководца мог ждать судебный процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.